INSPIRIA

18+

Земные законы
на море не властны

Сандро Веронези

КОМАНДИР

Эдоардо де Анджелис

В переводе
Владимира Лукьянчука

INSPIRIA

Командир

Сандро Веронези, Эдоардо де Анджелис

Аннотация
Сандро Веронези, Эдоардо де Анджелис. Командир
Введение. Сандро Веронези
1. Рина
2. Тодаро
3. Анна
4. Марко́н
5. Скьясси
6. Джиджино
7. Маркон
8. Тодаро
9. Стумпо
10. Тодаро
11. Стумпо
12. Муларджа
13. Джиджино
14. Степович
15. Маркон
16. Тодаро
17. Маркон

18. Муларджа
19. Тодаро
20. Моранди
21. Маркон
22. Лезен д’Астон
23. Степович
24. Лезен д’Астон
25. Тодаро
26. Маркон
27. Реклерк
28. Пома
29. Реклерк
30. Тодаро
31. Маркон
32. Кодрон
33. Чезари
34. Тодаро
35. Маркон
36. Муларджа
37. Маркон
38. Муларджа
39. Командир английского конвоя
40. Тодаро
41. Джиджино
42. Маркон
43. Реклерк

44. Маркон
45. Тодаро
Эпилог
Приложение. Перечень морских божеств
Африканская мифология
Армянская мифология
Ассирийско-Вавилонская мифология
Ацтекская мифология
Ханаанейская мифология
Финикийская мифология
Китайская цивилизация
Кельтская мифология
Христианская цивилизация
Эллинистическая мифология
Финская мифология
Мифология народов фиджи
Филиппинская мифология
Японская цивилизация
Гавайская мифология
Индуистская мифология
Эскимосская мифология
Хеттская мифология
Мифология маори
Литовская мифология
Лузитанская мифология
Скандинавская мифология

Славянский фольклор
Шумерская мифология
Вьетнамская цивилизация

Аннотация

1940 год. Италия участвует в войне. После тяжелого ранения Сальваторе Тодаро отказывается оставить службу и берется провести подводную лодку с командой молодых подводников из разных уголков Италии через Гибралтар.

Когда на пути «Каппеллини» встречается грузовое бельгийское судно, Тодаро понимает, что должен потопить вражеский корабль, но морской закон для командира выше военного. Вопреки приказу уничтожить врага, Тодаро берет на борт 26 выживших моряков, чтобы доставить их на берег.

Так, в крошечном замкнутом пространстве с общими бедами, надеждами и припасами оказываются заперты очень разные люди, которым долгое время говорили, что они – враги.

Сандро Веронези, Эдоардо де Анджелис
Командир

Мчись на помощь с любовью, и мир наступит.

Ривер Феникс

Есть три типа людей: живые, мертвые и те, кто плывут по морю.

Платон

Edoardo De Angelis and Sandro Veronesi
COMANDANTE

© 2023 Giunti Editore S.p.A./Bompiani, Firenze-Milano
www.giunti.it
www.bompiani.it

Перевод с итальянского *Владимира Лукьянчука*

INSPIRIA

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Введение
Сандро Веронези

История, которая привела к рождению этой книги, отмечена знаком чуда и, как все истории о свершившихся чудесах, должна быть рассказана. История эта происходила летом 2018 года.

Лето в Италии 2018 года было ужасным. Как обычно, увеличился поток мигрантов, бегущих морем из ливийских лагерей; у их путешествия могло быть только три исхода: либо оно удавалось, и переполненные баркасы причаливали в Лампедузе, на Мальте, в Сицилии, в Калабрии; либо их немедленно задерживала ливийская береговая охрана и отправляла обратно в лагерь; или оно заканчивалось трагедией: двигатели переставали работать, надувные лодки сдувались, шлюпки опрокидывались, и беженцы внезапно становились потерпевшими кораблекрушение. То лето было невыносимым, потому что вместо мощной волны солидарности в Италии поднялась неистовая волна ксенофобии, накрывшая именно этих людей — тех, кто, потерпев кораблекрушение, оказался в воде и, даже уцепившись

за какой-то обломок, не имел шансов выжить. На этих самых последних из последних людей низвергались омерзительные моральные испражнения, повторявшиеся, как девиз, всеми социальными сетями: «Приятного аппетита рыбкам», «Конец сладкой жизни», «Круиз закончился». В то же самое время итальянской береговой охране запрещено было вмешиваться, и мигранты тонули. Эти воды бороздили лишь несколько не подведомственных Италии спасательных катеров, они назывались SAR (от Search and Rescue, то есть «Поиск и спасение»), иногда они спасали тонущих, и тогда начиналась настоящая одиссея в поисках порта, где можно было бы высадить потерпевших крушение (правительство в то время проводило политику *закрытых портов*), а волна ксенофобии захлестывала неправительственные организации, спустившие на воду эти катера, против которых началась настоящая кампания клеветы и травли: их называли «морскими такси», намекая на их сговор — разумеется, за плату — с ливийскими перевозчиками, не доказанный ни разу ни в одной судебной инстанции ни по одному из многочисленных исков.

В то обезумевшее лето от ощущения бессилия и кипевшей во мне злости я потерял сон. Из головы

не выходила эта чудовищная ситуация, ничто больше не интересовало меня — столь радикальной и непреходящей реакции я не испытывал никогда. Стремясь перенаправить свое дурное состояние в действие, я связался с руководством неправительственной организации и записался в очередь, чтобы в будущем стать членом спасательного экипажа, но главное, впервые в жизни учредил общественное движение. Я сообразил, что многие из моих друзей и знакомых, которым я поверял свои чувства, пребывали в том же состоянии, и я их всех объединил в движение под названием «Тела», указывавшим на желание поставить собственное тело между волной ксенофобии и ее жертвами. Но, осуществляя свой замысел, я действовал так, как будто готовился отпраздновать свой день рождения: я приглашал людей, которых ценил за их труд и сознательность, проявленные при исполнении собственного долга, в результате в группе оказались люди, знавшие меня, но незнакомые друг с другом. Не стану приводить их полный список*, но хочу здесь вспомнить, что написал Антонио

Пеннакки[1], один из немногих, кто был старше меня, в ответ на мое приглашение принять участие в нашем движении: «Дорогой Веронези, я передвигаюсь на костылях, но если ты просишь сопроводить тебя на корабль, чтобы помочь этим несчастным людям, я отвечаю тебе — да».

Я объединил всю эту группу друзей-волонтеров в чате на платформе Signal и сообразно назвал ее «Тела». Среди них был Эдоардо Де Анджелис, с которым я недавно познакомился, поскольку моя жена работала над дистрибьюцией его фильма «Порок надежды»[2]. Еще до нашей личной встречи, когда меня обдало волной дружеского чувства, меня поразил один его прием: во время съемок фильма он каждое утро на рассвете рассылал всей съемочной группе, включая мою жену, месседж, который называл «заметка», с целью *настроить всех* на одну волну вдохновения в предстоящий рабочий день. Он писал изумительно красивые короткие тексты, чтение которых придавало заряд ежедневного вдохновения и

---

[1] Примечания: 1

Антонио Пеннакки (Antonio Pennacchi, 1950–2021) — итальянский писатель, лауреат премии «Стрега» за роман «Канал Муссолини» (2010) (*Здесь и далее примечания переводчика*).

[2] Примечания: 2

Il vizio della speranza (*ит.*).

мне, не имевшему к этому никакого отношения и лишь украдкой читавшего его «заметки». Я понял, что Эдоардо принадлежит к той породе кинорежиссеров, которые умеют писать, и, соответственно, стал ценить его по-особому.

Среди прочих вкладов Эдоардо в наш чат была разосланная им утром ссылка на сайт «*Аввенире*»[3], опубликовавший заявления адмирала Петтори`но, тогдашнего руководителя береговой охраны, который в своей речи по случаю годовщины основания корпуса, гарантируя должное исполнение правительственных указов, запрещавших его моторизованным патрулям спасать утопающих в Ливийском море, тем не менее отметил, что «спасение утопающих в море есть законный и моральный долг». После чего, оторвавшись от текста, копию которого заранее предоставил властям, и уже не по бумажке вспомнил о подвиге командира подводной лодки Сальвато́ре То́даро, который во время Второй мировой войны отправил на дно Атлантического океана бельгийское судно и, не подчинившись приказам немецкого адмирала Карла Дёница, спас его экипаж. Дёниц назвал его «морским Дон

[3] Примечания: 3

«Аввенире» (Avvenire, *ит.*) — ежедневная газета, выходит с 1968 г.

Кихотом» (идиотское сравнение, для того времени тоже), но Тодаро не уступал, он отстаивал свое решение спасти тонущих неприятелей и дал объяснение, которое теперь Петторино выдавал за свое, тем самым подчеркивая несогласие с правительственными указами: «Мы — моряки, — сказал тогда Тодаро, и Петторино сейчас повторил, — итальянские моряки, у которых за плечами два тысячелетия цивилизации, и мы поступаем именно так».

Эдоардо поразили эти слова, он занялся изучением вопроса. Так всплыли на поверхность Сальваторе Тодаро, герой нашего Военно-морского флота, награжденный золотой, тремя серебряными и двумя бронзовыми медалями за воинскую доблесть, и многочисленные реконструкции того эпизода, о котором говорил адмирал Петторино. Каждая реконструкция в чем-то отличалась от другой, но все они сходились в решающей точке: спасение врага в открытом море и объяснение этого выбора меткой фразой: «Мы — итальянцы».

Эдоардо позвонил и спросил, что я думаю по поводу безумной мысли, которая пришла ему в голову, — снять по этой истории фильм. Фильм о войне. Исторический фильм, в котором офицер

Итальянского Королевского флота в разгар войны ослушивается приказа немецкого командования и спасает двадцать шесть членов экипажа корабля, только что потопленного его подводной лодкой. Я ответил ему, что это грандиозная идея и что именно этим нам стоит заняться — поиском документов, свидетельств, историй, на которых следует сосредоточиться всеми силами, чтобы доказать: то, что «Тела» называли позором нации, то им и было на самом деле. Конечно, понадобится какое-то время, фильм о войне не снимешь и не смонтируешь в два счета, но все равно это годилось: некоторые граждане принимают участие в непосредственных акциях, другие занимаются более сложными проектами, но цель у всех одна. Эдоардо остался доволен моим одобрением, приступил к своим изысканиям, и к этой теме мы больше не возвращались.

И вот, наконец, мы оказываемся в той точке истории, где происходит чудо: будучи неверующим, не знаю, имею ли я право назвать это как-то иначе, как не прямое проявление божественной воли. Среди людей, которых я пригласил участвовать в группе «Тела», была Жасмин Бахрабади, моя старинная приятельница из Ливорно, специалист по рекламе музыкальных групп. Я

представил ее в чате другим «Телам»: знала она от силы нескольких человек. Сообразно своим наклонностям, чату она предпочла деятельное участие в составлении списков спасательных экипажей и организации мероприятий в поддержку неправительственных организаций, с которыми мы тесно сошлись. Однажды утром я получил от Жасмин имейл с прицепленной к нему статьей, опубликованной по ее инициативе на первой странице «*Тиррено*»[4] и посвященной командиру Сальваторе Тодаро, которого приводил в пример адмирал Петторино. Жасмин написала: «Это статья о моем дедушке».

То есть *Жасмин была внучкой Тодаро*.

Я был в шоке, тут же попросил у нее разрешения разослать статью участникам чата и, получив его, сделал это, сопроводив ошеломительной новостью, которую сам только что узнал. Через пару минут раздался звонок. Это был Эдоардо, он был потрясен так, как если бы перед ним явилась Дева Мария.

«Ты ведь знал, скажи по правде».

«Клянусь тебе, что нет».

Через два дня Эдоардо был в Ливорно, где встре-

---

[4] Примечания: 4

«Тиррено» (Il Tirreno, *ит.*) — еженедневная газета (основана в 1945 г.), распространяется в Тоскане.

тился с Грациеллой, дочерью Тодаро, в доме Жасмин, том самом, где Тодаро с женой жили до войны. Он получил разрешение порыться в двух бережно сохраненных баулах, где были собраны все личные вещи командира: письма, фотографии, награды, книги по йоге и оккультизму, которые он читал, и книги, по которым самостоятельно изучал фарси, то есть персидский язык. (Я не буду тянуть резину с чудесами, но кто хочет, может поразмышлять, почему у моей приятельницы Жасмин фамилия Бахрабади, из какой страны она родом и на каком языке разговаривает ее отец.)

Через месяц Эдоардо предложил мне поучаствовать в создании сценария, и хотя я не слишком силен в киносценариях, но знак, полученный с небес, был настолько ясен, что я охотно согласился. Памятуя о его «*записках*» во время съемок «*Порока надежды*» и ободренный естественностью, с какой он, начиная с первой редакции сценария, уловил язык Тодаро, я, в свою очередь, предложил ему, пока продюсеры будут поднимать на ноги фильм, поучаствовать в написании книги, вдохновленной этой назидательной итальянской историей. Мое предложение тоже охотно было принято.

Спустя четыре года, в то время, когда заканчиваются съемки фильма, появляется эта книга. Поутихшая было ксенофобия снова готова подняться устрашающей волной, и война уже на пороге, то же самое, что в те годы: дополнительный аргумент, чтобы итальянцы (те, кто плавает по морям, и, главное, те, кто по ним не плавает, а лежит и загорает на песке, растянувшись на полотенце, кто играет в бадминтон или участвует в пляжных вечеринках и считает справедливым и даже патриотичным дать погибнуть людям, бегущим от голода, от преследований и от войны), помнили, чьи они дети. Хотя нет, уже внуки.

* В конечном счете список следующий, в алфавитном порядке:

Роберто Алаймо, Сильвия Баччи, Жасмин Бахрабади, Алессандро Бергонцони, Катерина Бонвичини, Кьяра Валерио, Сандро Веронези, Паоло Вирци, Франческа д'Алойя, Эдоардо Де Анджелис, Хамид Дзиарати, Сильвия Джаньони, Джузеппе Дженна, Джипи, Лука Доминелли, Марко Кассини, Мануэла Каваллари, Массимо Коппола, Франко Корделли, Симоне Ленци, Антонио Леотти, Габриеле Муччино, Микела Мурджа, Антонио Пеннакки, Риккардо Родольфи, Элена Станканелли, Тереза Чабатти, Стефано Эко.

1. Рина

Признаюсь как на духу.

Признаюсь, что когда мне его принесли с перебитой спиной, ни живого ни мертвого, но все же живого, я испытала огромное облегчение, но не потому, что он остался жив — в этом я признаюсь, а из-за перелома спины. Мы поженились недавно, он быстро продвигался по службе во флоте, будучи самым способным, и я уже смирилась, понимая, что вышла замуж за воина, и понимая, как и все вокруг, что мы верно движемся к войне. Я знала, что он будет служить родине, не щадя себя, и, значит, отдаст ей жизнь. Это убивало и меня. Как будто часть моего молодого тела к тому времени уже отмерла. Так мне было написано на роду, я знала, я согласилась, но это убивало меня.

Как вдруг этот несчастный случай. Не в Африке (в ожидании большой войны мы затеяли свою маленькую африканскую кампанию), а в ста километрах от дома, в Специи. Не во время героического наступления, а во время учений. Волна, поднятая торпедой, накрывает его гидроплан, скользящий по поверхности воды, и разносит

вдребезги. Перелом позвоночника, неизлечимый. И я признаюсь: признаюсь, что инвалид был мне дороже здорового, пенсионер дороже командира корабля, он был пленником — моим и семьи, которую бы мы создали. То, что он не погиб, было чудом. Но еще большим чудом было то, что он не сможет больше сражаться и будет вечно нуждаться во мне.

Но продолжалось это недолго. Выздоровление тоже было чудом. Металлический корсет, сущая пытка, не отбирал, а придавал ему силы. Я уже тогда это поняла, когда его надели на грудь. Я присутствовала при процедуре. Надевали его двое военных врачей, один постарше, другой помоложе, в ортопедической амбулатории Академии. Я находилась там и наблюдала с другой половины огромной, залитой электрическим светом комнаты, но я была далеко и ничего не значила, будто меня там и не было. Там присутствовал, и это чувствовалось, дух воина, вернувшегося, чтобы овладеть телом Сальваторе Тодаро. Этот металлический корсет, от которого он никогда не сможет избавиться, превратил его тело в сплошную рану, но он его благословлял, потому что тот не давал ему переломиться надвое, как цветку; он удерживал его грудь в вертикальном положении, а коль

скоро он мог стоять, то, значит, мог и воевать.

Корсет причинял ему страшную боль, но он был устойчивым к боли, когда же она становилась нестерпимой, в запасе был пузырек морфина.

Облегчение быстро прошло. Я знала его насквозь, знала, о чем он думает, но все равно рискнула. Я поговорила с ним, рассказала о жизни, которую мечтала устроить, которую любой другой в его состоянии смиренно бы принял: продать дом в городе, уехать на побережье, поближе к Монтенéро, где можно за бесценок купить ферму. Жить плодами земли, разводить животных. Вино, оливковое масло, пчелы, целительный мед. Дети будут расти на чистом воздухе, будут питаться плодами наших рук, подальше от войны, которая рано или поздно наступит. Я буду ухаживать за ним, утолять его боль, любить, обожать его, дарить ему счастье каждый день, каждый час, вечно. Этого я не сказала, но это и так было ясно. Я выложила ему все о своих чувствах, все, без остатка. И не преминула напомнить о его любви. Я напомнила, что жизнь за родину он уже отдал в ушедшем под воду гидроплане. «Собираешься отдать ее дважды?»

Он выслушал меня и ничего не сказал. Отправился к Бетти.

Бетти был портным и по совместительству медиумом. Сальваторе шел к нему, когда предстояло принять важное решение, потому что Бетти общается со своим духом-проводником, древнегреческим воином, как он говорит. Слепым, как он утверждает. Что это тайная сторона его сути, хотя не такая уж и тайная, поскольку своего пристрастия к оккультизму, восточным практикам, метемпсихозу и изучению магии он ничуть не скрывал — это я не могла их разделить. Я верю в Бога, и с меня хватает. Сальваторе, выслушав меня, отправился, стало быть, к Бетти. Я могу представить во всех деталях развернувшуюся сценку, поскольку однажды, еще до аварии, еще до нашей женитьбы он взял меня с собой. Лавчонка, забитая рулонами ткани, иголками, катушками с нитками и швейная машина с педалью, возвышавшаяся там как алтарь. Закрыв глаза, Бетти стоит и молчит, на шее висит портняжный метр. Сальваторе ему говорит: «Рина считает, что я должен выйти на пенсию по инвалидности. Альтернатив никаких. Дом в деревне». Бетти слушает его стоя, по-прежнему молчит, глаза закрыты, руками опирается на рабочий стол, проходит три минуты, и тут он начинает говорить, но говорит на древнегреческом, которого не

знает, так как закончил всего три класса. Значит, кто-то другой за него говорит. Бетти берет чистый лист бумаги, толстый карандаш и записывает, но не он, а кто-то другой:

ἔνθα δὲ Σίσυφος ἔσκεν, ὃ κέρδιστος γένετ᾽ ἀνδρῶν,
Σίσυφος Αἰολίδης· ὁ δ᾽ ἄρα Γλαῦκον τέκεθ᾽ υἱόν, αὐτὰρ
Γλαῦκος τίκτεν ἀμύμονα Βελλεροφόντην.

Признаюсь, что я порылась в карманах моего мужа, как та ревнивая жена, и нашла этот листок с оракулом. Признаюсь, что переписала все греческие слова и вернула оракул на место.

Когда он уехал, он взял его с собой.

2. Тодаро

Я испытывал пронзительное чувство радости.

В мраке отчаяния изредка всплеск счастья, проистекающий из чувства гармонии с собственным телом.

Сын.

Пчелиный мед на подушечках пальцев.

Школа хождения под парусом.

Дон Вольтолина снимает с себя пальто и отдает тому, кто замерз.

Твои ноги и влажная щель, в которую я вхожу.

Потом еще один сын, чтобы отсрочить мою гибель.

Я не гонюсь за счастьем, Рина, не притязаю на него, это — удел пресытившихся, это — завершенное чувство, состояние неподвижности, участь буржуазии. Слепой грек увидел мою судьбу: моя победа — в сражении. В эти месяцы безделья я понял, что моему ощущению себя инвалидом сильно способствует расслабленность мозговых полушарий, что отнюдь не красит воина. Я сжимал и разжимал тысячу раз пальцы, чтобы морфий скорей разбежался по венам.

Мне пригрезилось, что боль была очень сильная.

Этот металл на теле не дает мне глубоко вздохнуть, но он меня защищает. Этот металл врос в мою плоть, и плоть моя стала неуязвимой. Возможно, я больше не гуманоид или вошел в новую стадию эволюции, когда тело поглощает металл и превращается в новую субстанцию. Сейчас у меня достаточно сил. Я заболел и ослаб изнутри, я сделался духовным инвалидом. Бетти передал мне слова древнего грека и сшил мундир:

ἔνθα δὲ Σίσυφος ἔσκεν, ὃ κέρδιστος γένετ᾽ ἀνδρῶν,
Σίσυφος Αἰολίδης· ὁ δ᾽ ἄρα Γλαῦκον τέκεθ᾽ υἱόν, αὐτὰρ
Γλαῦκος τίκτεν ἀμύμονα Βελλεροφόντην.

Ему дано знать то, чего он не знает и не может понять. Он говорил четко и убежденно. Потом переписал на листке бумаги мой оракул, чтобы он всегда был у меня под рукой. Я положил грека с его словами в карман.

Я качал в колыбели ребенка. Я наслаждался, когда ты, сидя за роялем, пела интермеццо из «Сельской чести». Запомнил твой голос, перешедший в шепот, ласковое прикосновение твоих пальцев к клавишам. Я слизывал со лба твой пот,

когда ты дрожала в моих объятьях. Я целовал твои горькие слезы.

Я проглотил боль, не почувствовав ее вкуса.

Я просил тебя завязать мне галстук на белой рубашке под мундир в знак благословления и защиты.

Я пожал моим людям руку и по мнемонической кальке каждой руки велел изготовить рукоятки кинжалов.

Я исцелился.

Я плевать хотел на враждебность судьбы, из поднебесья я опущусь в морские глубины.

В Специи ночь, ветер гоняет пустые бутылки, снасти на суднах бьются, летают прочитанные газетные страницы.

Неисправимая медсестра уходит домой, напевая «*Хочу тебя хоть на часок*»[5].

Я знаю, Рина, знаю. Умоляю тебя…

Специя точно как парапет, с одной стороны, ты еще здесь, с другой — ты уже в пустоте. Мы загружаем «Каппеллини» сказочными богатствами, как настоящие фараоны, ребята шутят, представляя себя египетскими царями, поэтому я им не говорю, что пирамиды — это саркофаги.

---

[5] Примечания: 5

Un'ora sola ti vorrei (*um.*) — хит итальянской эстрадной музыки, 1938 г.

Команда плохо оснащена, сейчас они построились в шеренгу. Мундиры расстегнуты, рубашки не заправлены, но мне наплевать: вручаю каждому кинжал, выполненный по слепку с его руки. Они знают, что им предстоит спускаться под воду, однако что делать с холодным оружием — представления не имеют, а спросить о причине подарка стесняются и только благодарят.

Никогда не знаешь, как далеко твой враг, защищенный толщей воды и стальными обшивками, тысячами артиллерийских орудий, адскими технологиями, которые наши поэты могут только вообразить, или, может, он где-то рядом, его сердце наполнено куражом британской либеральной мысли и страхом, в точности как и наше.

Некоторые считают, что подводные лодки по-настоящему не сражаются.

Чушь! Чушь собачья! Небывалая чушь! У нас есть своя траншея. Только она жидкая. И мы ее пройдем, позволив себе непозволенное, как гласит девиз, начертанный на капитанском мостике этой подводной лодки по имени «Каппеллини». Добротное судно, я велел оковать форштевень сталью, потому что, не приведи господь, в современной войне может понадобиться действовать дедовскими методами и идти на таран.

Матроса-электрика Каре́дду я на борт не взял. Не понравился цвет его кожи. «Я здоровый и крепкий», — уверял он меня. Я отправил его к военному доктору.

Сейчас мы готовы позволить себе непозволенное.

Но мы беззащитны.

3. Анна

Возьми хотя бы этот ветер: я знаю, куда он гонит наших морячков, отбывающих в плавание: он их гонит на верную смерть. Я-то слыхала, что говорят армейские врачи: если война будет короткой, вернется только одна из пяти подводных лодок, а если затянется — одна из десяти. И ни одной, если продлится долго. Парни эти обречены на смерть, но ты погляди — смеются, наяривают и поют: «*Хочу тебя хоть на часок*». Те же слова шептал мне сегодня ночью Джиджи`но: я жизнь отдам за час с тобой, моя ненаглядная Анна, в чреве нашего «Каппеллини», на дне морском. Хоть часик в день, шептал он мне, а в остальные двадцать три я буду тверже кремня. Джиджино ведь повар, он как кормящая мать для своих сослуживцев, и тоже погибнет в тот час, когда их кормит. Я вся до сих пор в его сперме, но мне не противно. Он сорвался и убежал, поцеловав меня в последний раз, потому что сильно опаздывал; на плечах тяжеленный ранец с привязанной к нему мандолиной, улыбается от счастья, которое я ему подарила; умчался как на пожар, полуго-

лый, а я даже не подумала зайти в ванну и смыть с себя его семя.

Наоборот, я встала, напялила на себя свою форму, прямо на голое тело, без трусиков, чулок, комбинации, без косынки, прикрывающей волосы, без пальто на этом собачьем холоде, в одной серой форме сестры милосердия на голое тело с потоками его спермы я выскочила и пошла вслед за ним. Он меня не видел, перебрасывался шутками с ожидавшими его товарищами, слушал командира, про которого говорил, что тот колдун и волшебник. Я пошла за ним, но на расстоянии, уже светало, ветер носил по воздуху всякую дрянь, из казарм выскакивали последние опоздавшие, расхристанные в точности как Джиджино, и вступали в хор, в котором пел даже командир-чародей. «*Хочу тебя хоть на часок*». Все в один голос. Были там еще две девушки, две сестры милосердия, как я, Анджелина и Нунция, которые подарили счастье и улыбки двум другим морякам, отправлявшимся на погибель. Только мы, три медсестры, дарим счастье и улыбки этим парням, только мы не в силах им отказать. Привет-привет, мы даже поздоровались, но каждая из нас была занята своими мыслями, хотя они у нас похожие, голову даю на отрез, но они наши, и мы

молча обдумывали их, без косынок, стягивающих волосы, которые ветер треплет как бешеный, в то время как мы мысленно в последний раз ласкаем парней. Этих парней, уходящих на войну, худущих, взвинченных, с кипящей в жилах кровью. Я прекрасно знаю, что нельзя всякий раз уступать, но отказать я им, ей-богу, не в силах. Особенно с тех пор, как переехала из Неаполя в Специю, здешним морякам я даю с пребольшим удовольствием. Я знаю, мать моя считает, что я жертва, а дядя Феличе говорит, что я блудливая кошка, но их здесь нет, и какое мне дело до того, что они думают. Я знаю, а они — нет, ни сном ни духом не ведают.

Я знаю, что эти парни с гладкой кожей и ослепительной улыбкой должны были бы нырять и нырять за жемчужинами, а они уходят воевать и уже не вернутся. У каждого из них есть мать, сестра, невеста, которые должны были бы находиться здесь и наблюдать, как они друг за другом исчезают в брюхе огромной железной рыбины; они должны были бы видеть, как парни смеются и шутят в последний раз, но здесь они находиться не могут, здесь находимся только мы — блудливые сестры милосердия; есть и добродетельные девицы, которые не дают к себе прикоснуться, но

в этот час они спят, и только нам трем остается их провожать и плакать. Потому что не надо быть прорицательницей, чтобы знать, что они не вернутся, а если вернутся из этого плавания, то не вернутся из следующего, а если вернутся и из того, то не вернутся из какого-нибудь очередного. Не надо быть прорицательницей, чтобы знать, что в конце войны, когда начнут подводить итоги и станет известно, что погибли почти все наши подводники, мы зажмем рот ладонью. Достаточно послушать, что говорят военные врачи, чтобы знать, что моряки навеки останутся на дне моря, куда сейчас устремляются с такою гордостью и отвагой, и сколько в них жизненной силы, и как бездарно они ее тратят в этом металлическом гробу. У каждого есть женщина, которая его оплачет, но их здесь нет. Есть только мы, три блудливые сестры милосердия, единственные в мире, кто в данную минуту знает, до чего паскудна война.

4. Маркóн

Специя
28 сентября 1940 года
7 часов 20 минут

Ту-ту, отчалили.

Эта морская зверюга длиной 73 метра и шириной 7 метров оснащена дизельным мотором в 3000 лошадиных сил для движения по поверхности и двумя электрическими двигателями по 1300 лошадиных сил каждый для плавания под водой. На ее вооружении два 100-миллиметровых артиллерийских орудия, два 13-миллиметровых двуствольных пулемета, восемь торпедных аппаратов крупного 533-миллиметрового калибра. Кроме того, боеприпасы: 12 торпед, 600 артиллерийских снарядов и 6000 патронов для пулеметов. А также форштевень, обшитый сталью по распоряжению командира, потому что, как он сказал, «никогда не знаешь, на современной войне могут понадобиться старинные методы боя, тараны».

Курс 180 градусов. По правому борту мы оставляем Пальмарию, Тино и Тинетто, куда в увольнительную мы ходили ловить осьминогов голыми

руками под предводительством моториста Сту́мпо, который промышляет ловлей кораллов и может нырнуть на тридцатиметровую глубину. Осьминогов, по правде сказать, ловил только он, мы лишь за ним наблюдали. Ступмо научил нас, как отличить осьминога-самца от осьминога-самки: ты ловишь осьминога и если сразу за ним вылавливаешь следующего, это значит, что первый — самка, которая привлекла самца. А если приплывает сразу много, значит, ты поймал самца, которого заебали тетки.

Эта морская зверюга названа в честь «бесстрашного и доблестного» командира Альфредо Каппеллини, который взлетел в воздух со всем экипажем 20 июля 1866 года в битве при Лиссе; он наотрез отказался покидать пробитый австро-венгерскими залпами свой броненосец «*Палестро*». Пожар бушует, с ближайших итальянских кораблей спускают шлюпки, чтобы эвакуировать экипаж до того, как пламя успеет добраться до крюйт-камеры с запасами пороха и зарядов, но несговорчивый командир не уступает, продолжает бороться с огнем, рискуя лишиться жизни, пока пламя не добирается до склада боеприпасов, и — бум! — он лишается ее. Вместе с ним погибли 231 (из 250) член экипажа,

но зато Альфредо Каппеллини в одночасье стал героем войны…

Пройдя четыре мили от залива, мы взяли стабильный курс 225 градусов. Сальваторе входит с каюту. Делает мне знак следовать за ним. Я иду. Он вскрывает запечатанный сургучом конверт. Сверху написано: «БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 98». Вытаскивает листок. Разворачивает его. Читает. Складывает. Вкладывает обратно в конверт. Мне не показывает. Требует, чтобы я сидел с ним в каюте, только я, и больше никто, но приказ прочитать не дает. «Сверхсекретно».

Он шутил. Но я никогда не знаю, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Все знают, что мы друзья, Сальваторе сказал об этом однозначно Фратерна́ле и другим офицерам и, черт побери, сказал это в знак уважения ко мне по-венециански: «Mi e Marcon sémo grandi amissi, — сказал он, — ansi, sémo fradèi»[6].

«Поэтому, — продолжил он по-итальянски, — никаких кривотолков, поскольку я буду разговаривать с ним больше, чем командир обычно разговаривает со старпомом, и больше, чем со всеми вами».

---

[6] Примечания: 6

«Мы с Марконом ближайшие друзья, точнее говоря, братья» (*венец.*).

Впрочем, от их ревности меня защищает лицо. Невозможно ревновать к человеку с такой внешностью. Кожа на моем лице — это целая история, и когда Сальваторе целует меня в щеку и говорит: «Мы с Марконом воюем против всех», она становится историей нашей дружбы. Или даже больше того.

Мы с Сальваторе сдружились в военном госпитале в Специи, где оказались после ранений, полученных порознь, он на своем гидроплане, я — при взрыве ацетилена, хотя все думают, что мы пострадали вместе, но мы никого не разубеждаем.

Да, мы с ним побратались. Но он — капитан третьего ранга и командир подводной лодки. А я всего лишь главный корабельный старшина, старший рулевой и старший помощник, и никогда не знаю, когда он шутит, а когда говорит всерьез.

Он пошутил, не дав мне ознакомиться с приказом. Когда я развернулся, собираясь уйти, слегка обиженный, если по правде, он передал мне листки.

Засада, было написано там, как и можно было предвидеть. Для чего на войне нужна подводная лодка, как не появляться внезапно из воды и

подбивать корабли противника? *В Атлантике*, было написано там, то, чего я боялся. *Гибралтар*. Теоретически мог быть и не он, а Средиземное или Красное море, где не столь опасно. Но такими командирами, как Сальваторе, не разбрасываются и не посылают туда, где не слишком опасно. Таких, как он, посылают туда, где опасность — наивысшая, а пройти Гибралтар — задание почти неисполнимое. Я сказал ему об этом в шутку, потому что он понимает лучше, когда я шучу: «Ты поэтому решил позвать меня в это путешествие?»

Потом я перешел с ним на венецианский, потому что он любит, когда я разговариваю с ним на родном языке, и сказал ему, что, по-моему, это равносильно тому, что пройти между Марко и Тодаро. Я думал, он знает эту венецианскую побасёнку. Но он, который знает все, ее не знал. Не знал о двух мраморных столбах, увенчанных статуями святых покровителей Венеции при въезде на площадь Сан-Марко. Не знал, что когда-то между ними, во времена дожей, стояла плаха, где рубили головы, и поэтому пройти между ними считается у венецианцев дурной приметой. Он не знал даже о святом Тодаро, которого зовут так же, как и его, и что он был покровителем Венеции

до того, как им стал святой Марко. Он не знал решительно ничего.

Я-то считал, что он знает все, и меня даже смутило его невежество, как будто я увидел его нагишом. «Я же из Кьоджи, — виновато сказал он, — из Соттомарины»[7]. После чего взял себя в руки и перевел разговор на известные ему, но не мне, темы, поскольку командир среди нас — он. И рассказал мне, что «Каппеллини» уже бывал в Гибралтаре под командованием Мази, которому не удалось пересечь пролив, но на пути назад он на десять дней встал на прикол в Сеуте, пользуясь ложным нейтралитетом испанцев, и с высокой точки за портом изучил систему британской обороны пролива. Там есть возможность пройти, сказал он мне, и показал проход на навигационной карте. «Dabòn, el xé un po» un co'o de botilia, ma «l ghe xé»[8].

Он перечислил мне подводные лодки, которым за последний месяц удалось пройти через

---

[7] Примечания: 7

Кьо́джа (Chioggia, *um.*) — рыбацкий город на юге Венеции, состоит из архипелага островов, был в венецианском подчинении; венецианцы высокомерно относятся к жителям Кьоджи, в частности считают их диалект «низким». Соттомарина — район Кьоджи; здесь игра слов: Соттомарина — город, и Соттомарина — подводный флот.

[8] Примечания: 8

«Узкий, правда, как бутылочное горлышко, но все-таки есть» (*венец.*).

пролив: «Маласпи`на», «Барбари`го», «Да́ндоло», «Маркони», «Финци», «Баньоли`ни» и два дня назад «Леонардо да Винчи» под командованием Кальфы. Всего семь.

«По-твоему, мы с тобой такие долбоебы, что не сумеем пройти?»

Это и есть прекрасное в Сальваторе Тодаро: с ним чувствуешь себя уверенно, когда он уверен в себе.

«Самая современная лодка в армаде, — добавил он, — доверенная лучшему старпому Итальянского Королевского флота, мы что с тобой, два долбоеба, что ли, которым слабо́ пройти?»

9 часов 35 минут

Погружение.

5. Скьясси

Без войны тут можно было бы рехнуться. Будь только одна навигация, мы бы тут точно все спятили. Жить каждый день друг к другу впритык, телесные запахи смешиваются с парами топлива и мазута, целый день сидеть в напряжении и слушать, воображать и предугадывать, что нас ждет, и ни одна хорошая мысль не приходит в голову. Запертые в этой отравленной посудине днем и ночью, независимо от того, движемся ли мы на поверхности или плывем в погружении, когда не хватает воды, чтобы умыться, и с едой исключительно из консервной банки, мы обязаны денно и нощно вести наблюдение за перемещением какого-нибудь объекта или спасательной шлюпки; когда не хочется перекурить или сыграть в карты, а одно-единственное желание — спать, превращающее нас в животных. Я видел матросов, спавших стоя. Плавать на подводных лодках — это то, что лишает тебя желания жить; об этом бы стоило говорить, а не об атаках, не о пальбе торпедами или о свисте при быстром погружении, когда в нескольких метрах от тебя

взрываются бомбы: это незабываемые минуты, бесспорно, поскольку рискуешь жизнью, а рискуешь потому, что она есть. А когда практически постоянно нет ничего другого, помимо передвижения и вони, монотонной работы и пустоты, тогда есть от чего охренеть.

Огромное счастье, что в ожидании настоящей войны на свете еще существует нежность. И я, радист, чьи приборы молчат по двенадцать часов в сутки, когда мы плывем под водой, и тогда мне вместе с Минни`ти приходится слушать по гидрофону, в котором каждый звук — вопрос («Что это было? А это что?»), и для правильного ответа опыт помогает больше слуха, воображение — больше опыта, а паранойя — больше воображения, и я, стало быть, радист, эту нежность распределяю. Aquí Radio Andorra[9] — говорит приветливый голос девушки, которую каждый из нас представляет по-своему. Aquí Radio Andorra: единственное радио в мире, которое не говорит о войне, а передает круглыми сутками только песни о любви — американские, французские, испанские, которые исполняют только женщины. Похоже, у них стометровая антенна, возвышаю-

[9] Примечания: 9
Говорит радио Андорры (*исп.*).

щаяся в каком-то недостижимом месте, похоже, у них самый сильный сигнал в Европе, который не в состоянии заглушить ни одно правительство, поскольку Андорра — это государство, свободное государство, чье радио доступно всем находящимся на земле людям, а также всем плывущим в море кораблям. Поэтому мы его слушаем все вместе, все, и мы, и наши враги. Мы его слушаем по ночам, когда всплываем на поверхность, чтобы перезагрузить воздух и зарядить батареи: весь экипаж их слушает, всю ночь, через громкоговорители, и эти женские голоса кажутся голосами наших женщин. Aquí Radio Andorra — это прохладная ладонь медсестры на твоем лбу, обещание, что ты скоро поправишься, как шептала на ухо мама. Aquí Radio Andorra, и весь корабль подпевает этим голосам, говорящим о любви, поскольку это голос нашей сестры, склоняющейся над нами, чтобы нас, одичалых, утешить, где бы мы ни находились — в рулевом или моторных отсеках, на огневой позиции, в высокой рубке или в гамаке из моржовых шкур, прицепленном к переборкам последних кают, где от усталости кто-то дрыхнет. Aquí Radio Andorra, и офицеры тоже закрывают глаза, и наш командир тоже, а ведь он не смыкает их никогда,

даже когда спит. Но когда наступает его очередь запереться в каюте, никто не возражает, что я приглушаю громкоговорители, пусть хоть часок подремлет, иначе вся эта нежность будет только его будоражить. О нем много чего рассказывают, говорят, что он был на «Маласпине», когда тот пустил ко дну British Fame[10], что он волшебник, факир и гипнотизер, что он никогда не спит, но тот, кто это говорит, признаётся, что сам наверняка не знает, поэтому на всякий случай лучше его не беспокоить, лучше приглушить музыку, ведь как-никак под его командованием мы идем на войну. На войну — мы не видим часа, чтобы сразиться, ибо на этой войне без войны мы себя чувствуем потерявшимися в море, и даже радио Андорры не в состоянии нас найти.

[10] Примечания: 10

«Слава Британии» (*англ.*) — английский флагманский корабль (1936), потопленный 12 августа 1940 г. итальянской подлодкой «Алессандро Маласпина».

6. Джиджино

В первый же день, как мы отшвартовались, командир зашел в камбуз и спросил у меня, профессиональный ли я повар? Так точно, господин командир! А в плаванье ходил? Так точно, господин командир! Спрашивает, знаю ли я названия венецианских блюд, самых общеизвестных? Так точно, господин командир! Можешь назвать? Печень по-венециански. А еще? Не робей, называй все, что умеешь сготовить. Баккала́-мантека́то, говорю. Са́рде-ин-сао́р. Би`голи-кон-ле-аччу́ге. Грансе́ола-болли`та. Броде́тто. Ризи-и-бизи[11]. Я произношу названия, и он закрывает глаза, а когда командир закрывает глаза, кажется, весь мир отдыхает. Фаршированная утка. Кастради`на — суп из копченой бараньей ноги, полента с мелкими раками, крабы с мягким панцирем во фритюре. Он вдруг открывает глаза и смотрит, а

---

[11] Примечания: 11

Il baccalà mantecato — взбитый крем из сухой трески. Le sarde in saor — жареные сардины в кисло-сладком маринаде. I bigoli con le acciughe — толстые венецианские спагетти с анчоусами. La granseola bollita — вареные крабы. Il brodetto — суп не менее чем из 10 сортов рыбы и морепродуктов. I risi e bisi — рис с зеленым горошком сорта «бизи» и панчеттой.

когда он смотрит, я робею. Он меня перебивает и говорит, что всю ту вкусную снедь, которую мы загрузили на борт, пока не разрешается трогать, а всех кормить только пастой без соуса и тушенкой. Он не объясняет причину, значит, это приказ. И велит мне, что когда я готовлю пищу, то обязан вслух перечислять все лучшие блюда со всей Италии, как я перечислил сейчас венецианские. Знаю ли я кухню каждой итальянской области? Так точно! — отвечаю я ему. Тогда громким голосом я должен перечислять все те, которые знаю, постоянно. Как молитву, добавил он. Это еще один приказ, причину которого я наконец-то понимаю.

Овощной бульон, бульон из цыпленка, куриный бульон, бульон из каплуна, мясной бульон, вареное мясо, вареное мясо с жареным луком по-французски, пиккьяпó — вареное мясо по-римски, запеченная требуха с яйцами, телячья печенка по-армейски, бараньи отбивные по-чиновничьи, телячьи молоки, потроха ягненка, телячьи ножки в пармезане с маслом, маринованный язык, пудинг из манной крупы, рисовый пудинг с птичьими потрохами, рис, картофель и мидии в горшочке, рисовая запеканка, помидоры, фаршированные рисом, рисовые крокеты,

суппли, макароны, запеченные с фрикадельками, кнели или же телячьи котлеты с почками, изобретенные французским поваром, хозяин которого был беззубый, мясной рулет, рулет из соленой сухой трески, крутые яйца под соусом, рагу по-неаполитански, фаршированные яйца, фаршированный рулет, кролик в винном соусе, жаркое из зайца, цесарка в гранатовом соусе, фаршированный голубь, голубиная запеканка, фрикассе из курицы, курица в марсале, курица по-крестьянски, курица в яичном соусе, петух без костей, тушеная маринованная телятина, острое жаркое с кьянти, мороженое со взбитыми сливками, тушеная свинина с савойской капустой, фрикандо, шоколадный крем «бычья кровь» в креманках, полента с колбасками, запеканка из макарон, запеканка с анчоусами, запеканка на любой вкус, сладкие перцы в томатном соусе, печеные баклажаны с сыром, баклажаны на любой вкус, пончики с яблоками, пирожки с рисом, с полентой, спагетти с черенками, мидиями, мерлузой, анчоусами, каракатицами, свежий салат, паппарделле с зайцем, клецки картофельные, манные, клецки из поленты, зити «Санджованниелло» с анчоусами, кавате́лли с мятой и клубникой, фузилли с цезарскими мухо-

морами, макароны с помидорами и базиликом — ешь до отвала, запеканка из макарон, тушеные макароны, макароны с рагу по-сицилийски, по-болонски, по-французски, то есть с сыром грюйер, макароны по-всякому, ризотто с лягушачьими лапками, с мидиями, с теллинами, с грибами, с зеленым горошком по-милански, тальятелле с рагу из прошутто, паста с фасолью, паста с чечевицей, паста с картошкой, паста с картошкой и моцареллой…

Все так или иначе проходят мимо кухни и слышат мои причитания. Все они знают, что я каждый день готовлю одно и то же: спагетти «аматрича́на» без помидоров, по-римски — «гри`ча», и это когда все идет хорошо, а когда не очень и нет даже корейки из Аматриче, тогда это спагетти с одним лишь названием. Спагетти с одним оливковым маслом и чесноком. Мясная тушенка в банках, вот она почему-то никогда не заканчивается. Галеты. Все знают, что никакого удовольствия от этой еды не получат, но даже командир и офицеры питаются этой дрянью. Но поскольку я знаю несметное количество названий блюд, я их называю громким голосом, как приказал командир, и моряки мало-помалу рассаживаются вокруг камбуза. У них пробуж-

дается аппетит, отбитый вечными консервами: когда пропадает чувство голода и еда становится надругательством над собой.

…мидии в остром соусе, рыбная солянка, рыбный суп, суп из кефали, суп с гренками, суп королевы, суп по-испански, суп с сухариками, моцареллой и мортаделлой, чечевичный суп, суп из лягушек, суп из улиток, суп из овощного бодяка, суп по-неаполитански, хлебная похлебка, мучная похлебка, тюря с помидорами, недельный суп из кудрявой капусты, минестроне по-разному, израильский кускус, молочный суп, суп «сто пехотинцев», «женатый» суп, суп из цикория и молодого латука, суп из рикотты, манной крупы и толченых сухарей, овощной суп с анчоусами, холодный телячий рулет, телятина под соусом из тунца, холодный каплун в бычьем желудке, кабачки, жаренные в остром соусе, кабачки фаршированные, бобы с цикорием, зелень репы, молодая фасоль в соусе бешамель, вареная фасоль, фасоль с шалфеем, бодяк овощной в духовке, луковички в кисло-сладком маринаде, фаршированный сельдерей, печеные артишоки, грибы в соусе, грибы, жаренные на масле, грибы на все лады, картофель на все лады, шпинат, спаржа, полевая капуста, брокколи мелкие, савойская

капуста, русский салат оливье, рыба в панировочных сухарях жареная, припущенная рыба, треска по-палермитански, голуби лесные запеченные, камбала в вине, свежая барабулька с ветчиной, свежая барабулька в томатном соусе, на гриле, по-лигурийски, тунец в любом виде, анчоусы маринованные, анчоусы во фритюре, анчоусы с майораном, сардины с начинкой, картофельный салат с осьминогом, осьминоги «санталючия», мурена по рецепту острова Капри, угри под соусом, угри по-всякому, угорь с икрой запеченный, красноперый пагель в «дурной воде», сушеная треска, тушенная с помидорами, сушеная треска по-средиземноморски, сушеная треска с маслинами, тунец с печеным картофелем в форме рыбы, ростбиф по-английски, молодая говядина по-генуэзски, рыба-меч по рецепту Эболи, кролик с Искьи, почки по-парижски, молочный поросенок по-флорентийски, печенка кусочками в поджаренном сальнике, капуста в горшочке, ломтики поленты во фритюре…

Я спросил у старшего помощника Маркона, друга нашего командира, с которым они оба покалечились, почему мы держим в кладовке картошку, кабачки, сыры, колбасы, пресное и слоеное тесто и не можем к ним прикоснуться? А

ты подумай, сказал мне старпом, но я думаю, что это дело не ума старшего матроса. Ну, я подумал. Потому что мы будем в Атлантике, а там будет намного хуже, чем в этом болоте, на этот случай мы приберегаем то, что повкуснее. А что дальше? Ну, я еще разок подумал. А чтобы войти в Атлантику, нам надо пройти Гибралтар. А чтобы его пройти, мы должны думать, что все прекрасное осталось вдали: моя Анна, с которой мы недавно обручились, наши матери, наши деньги, счастливые деньки — все находится там. И даже вкусная еда, клецки с соусом, например, или жареная полента ожидают нас там. Так я ему сказал. Ну, и что с того? Ни один мускул не дрогнул на обожженном лице старпома.

…пицца по-неаполитански, пицца по-всякому, лепешки с начинкой на любой вкус, бисквиты, сладкие язычки, заварные булочки, горячие пончики, ромовая баба, слоеные булочки, медовые крокеты, крендельки, сладкий хворост, эклеры, эклеры Сан-Джузеппе, хворост с простым или виноградным медом, крапфен, штрудель, миндальные крендельки, печенье на все вкусы, песочный пирог с шоколадом, сицилийские марципаны, марципаны из Поццуоли, сицилийская пиньолата, тирамису в креманке, торт с

меренгами, хворост хрустящий, торт «испанский хлеб», пышки в сахарной пудре, желе из айвы, миндальные амаретти, марципаны, сладкие язычки, бисквитный торт, торт по-мантуански, «кудрявый» торт, торт «Семь баночек йогурта», ореховый торт, рисовый торт, торт из рикотты, тыквенный торт, торт с неаполитанскими колбасами, торт «Капри», торт «Милан», шоколадный торт с миндалем, каштановый торт «Монблан», мусс на любой вкус, пудинг, торт «плам-кейк» на йогурте, баварский торт, пирожное «картошка» по-тоскански, свежие фиги из духовки, взбитые сливки с сахарной пудрой, карамель из молока, крем-карамель или «молоко по-португальски», пунш с приправами по вкусу, суп из вишни, компот из вишни, компот из абрикосов, варенье из инжира, желе из разных фруктов, сабайон, горячий шоколад, персики в сиропе, персики в вине, персики во льду, печеные вишни, печеные яблоки, печеные груши, жареный миндаль…

Командиру я каждый день приношу пять луковичек, отваренных в бренди. Всего лишь пять, но каждый день. Вначале он отказывался, но я настоял: командир, сказал я, видите ли, вы такой же человек, как все остальные, и я приношу эти луковицы, чтобы вам напомнить об этом, потому

что вы любите их. Он согласился с моим аргументом и сейчас получает удовольствие. Он мне даже сказал, что ждет их с трепетом, как ожидают даму. Как мы все дожидаемся Гибралтара.

7. Маркон

2 октября 1940 года
23 часа 00 минут

«Каппеллини» режет волны своим неприметным корпусом. Тьма вокруг, хоть глаз выколи. Я много плавал по Красному морю, там ночи всегда ясные, даже в безлуние, что не очень приятно — ты всегда на виду, зыбкая вода вокруг лодки фосфоресцирует так, что даже издалека ее видно. А это опасно. В океане, наоборот, ночь — черная, как сажа, которая покрывает нас своим слоем и защищает надежней всего.

Тодаро с биноклем в рубке пытается что-то разглядеть сквозь эту кромешную тьму. Рядом с ним Степович. Между ними зарождается дружба. Степович — самый молодой офицер в команде. Он из Триеста, рыжая борода лопатой, как попона Пудó, ослика моего зятя. Глубоко посаженные глаза, благородный нос, изящные руки и утонченные манеры, но в то же время разговаривает на диалекте, как на своем, так и на венецианском; я думаю, что он в своем роде исследователь диалектов, а Тодаро любит поговорить на родном

языке. Иногда, несмотря на тарахтение моторов, к которому привыкаешь и перестаешь замечать, они начинают декламировать — не петь, а именно декламировать старые венецианские песни, как будто это молитвы:

Дело моряка – в море умереть,
Дело торгаша – в прах прогореть,
Дело шута – богу грозить,
Дело вора – голову сложить.

Иногда они выбирают знакомую мне песню, и тогда я декламирую с ними вместе, как сегодня, например. Но они знают намного больше моего, песни, которых я никогда не слышал и которые иногда даже трудно понять. Тогда я спрашиваю: «А это что за песня?»

«Noa xé «na cansón, — отвечает мне Степович, — ea xé «na poesia»[12].

Стихи. На диалекте. Тодаро и Степович знают их наизусть, а я даже не слышал.

Впрочем, я горазд работать руками, а не чесать языком.

На лодке все время что-то ломается, все время надо что-то чинить. Гидрофон постоянно барах-

---

[12] Примечания: 12
«Это не песня, а поэзия» (*венец.*).

лит, и Миннити, наш гидроакустик, примерно моего возраста, вечно просит меня починить, потому что только один я знаю, в чем состоит проблема и как ее устранить. Не суть важно, что работу, сделанную утром, надо переделывать после полудня, а потом и на следующее утро: Миннити все равно меня благодарит, потому что в его наушниках нет больше помех и постороннего шума.

3 октября 1940 года
6 часов 00 минут

И вот он, Гибралтар.

На корме еще ночь, а на носу уже забрезжило утро.

Уже видна длинная очередь кораблей, имеющих разрешение на проход. Вдали темные силуэты английских эсминцев, их не меньше десятка, может, больше. В небе, жужжа как навозные мухи, проносятся истребители RAF[13]. Тодаро из боевой рубки смотрит в бинокль. Степович смотрит. Я тоже смотрю. Под нами, на центральном посту, находится капитан-лейтенант Фратерна́ле: «До глубины семьдесят метров

[13] Примечания: 13
Британские Королевские военно-воздушные силы (Royal Air Force (RAF), *(англ.)*.

остается двадцать метров».

Тодаро приказывает ему идти по поверхности еще тысячу метров и спускаться на глубину восемьдесят, а не семьдесят метров. «Пусть взрываются у нас над головой», — добавляет он, но Фратернале его уже не слышит. Он даже не называет их «глубинными бомбами», но и без того понятно, что он говорит о них и об аде, по которому нам предстоит пройти. Но Фратернале уже исчез за ограждением рубки.

Это лото, в котором ты выбираешь номер, и он не должен совпасть с тем, который выбрали англичане, ибо если они совпадают, то ты отправляешься на дно.

Тодаро выбрал восемьдесят. Он не ошибается, все это знают, он не выбирает неправильные номера. Английские корабли изрыгают глубинные бомбы непрерывным потоком, но «Каппеллини» еще далеко, пока он еще не виден и устремляется прямо на них, как будто желает привлечь их внимание. Мы спускаемся в чрево лодки: сперва я, следом за мной Степович, потом Тодаро — он, как всегда, последний. Потом вдруг свист быстрого погружения — и меньше чем за минуту мы уходим под воду: недолгое время снаружи остается лишь глаз параноика-перископа, но и он вскоре

запотевает, и чтобы знать, что происходит снаружи, мы доверяемся уху Миннити, полагающегося на мою расторопность.

Нас поглощает глубокая тишина, дизельные двигатели выключены, работают лишь электрические. Она поглощает и неутихающие взрывы бомб. Обшивка лодки дрожит, пол ходит под ногами, лодка опускается на глубину носом вниз. Отдыхавшие от вахты люди занимают посты маневрирования: их подняли по тревоге, их опухшие от сна лица уже растеряны и напуганы: я погибну? Погибну? Погибну?

Едва мы достигли глубины семьдесят пять метров, над нами с грохотом взорвалась бомба. Лодку как следует встряхнуло, она стала оседать на корму и погружаться на дно. Моряков откидывало к переборкам, они скатывались назад, падали и получали увечья. Несколько человек пронеслись передо мной, как велогонщики на финальном заезде чемпионата «Гонок Италии», который я ездил смотреть в прошлом году в Местре: Кьяппини, Ди Пако, Римольди. За ними пролетают Сирагуза, Трапе́, Монтелеоне, завершающие свой полет столкновением с переборками. Помощник рулевого Боно ухватился за меня, я ухватился за Даликани, который держится за штурвал. Боно

так вцепился в меня, что больно руке. Он спрашивает: нас взорвали? Я отвечаю ему, что нет, что это — ударная волна. Тодаро стоит на капитанском мостике спокойно и невозмутимо. Кажется, он ни за что не держится, но это не так, он держится за стальной косяк переборки. Кажется, что его лодка не тонет, но на самом деле это не так. «Все нормально», — раз за разом повторяет он твердым голосом. «Она взорвалась над лодкой и опускает нас на дно». Что означает: будь на его месте Фратернале, мы бы были уже покойниками. Потом приказывает Даликани стабилизировать судно, но оно не слушается и оседает, манометры не видят выхода из положения — мы погружаемся, погружаемся, погружаемся…

Степович докладывает о первых повреждениях: электросистема повреждена, поднимается уровень углекислого газа. Чеккини бросается раздавать маски. Я ловлю его быстрый взгляд: я погибну? Взгляд Тодаро отвечает ему: нет, будешь цел.

«Закачать воздух!» — приказывает он, и вахтенный офицер повторяет: «Воздух!»

Мотористы подают воздух в цистерны балласта, но лодка не всплывает. Тодаро берет у Меннити наушники и вслушивается в гидрофон.

«Штурвалы на подъем!» Паче повторяет, Даликани исполняет. В приказах нет никакого отчаяния, но на самом деле — есть.

Манометр показывает сто метров.

Тодаро приказывает закачать больше воздуха, Паче повторяет приказ, мотористы увеличивают давление: бесполезно. Манчини выжимает из моторов все до предела. Стрелка манометра должна указывать на ПОДЪЕМ, но она застряла на СПУСКЕ.

Даликани не справляется с управлением. «Штурвал заклинило», — говорит он. Ловлю его взгляд: я погибну? Взглядом Тодаро отвечает «нет».

Ступмо — моторист и ловец кораллов, говорит едва слышно. Когда он разговаривает на своем диалекте, его невозможно понять. «Воздух для нагнетания закончился». В его взгляде нет обычного вопроса, он говорит без страха. Сообщает об этом так, как если бы закончилась туалетная бумага.

Тодаро подает знак всем остановиться, все останавливаются и умолкают. Лодка идет на дно. Справиться с такой глубиной нам не под силу. Мы давно уже перешли отметку, ниже которой эта лодка не была рассчитана. Ужас застывает на лицах подводников, за исключением Тодаро

и Степовича.

«Дело моряка — в море умереть». Я не боюсь умереть, со мной такое уже случалось и написано на лице.

Тодаро уже покойник. Его металлический корсет разве не цинковый гроб? Лодка спускается все ниже. Ударяется о дно. Останавливается.

Мы в неподвижности на большой глубине, где скоро от давления начнут вылетать заклепки. Мы перестали сопротивляться. Как мы пересечем пролив? А ведь многим другим удавалось, и только мы такие долбоебы, что не сумеем пройти?

О матросы, о матросская молодость…

Степович молод, но и он погиб, потому что не боится смерти.

8. Тодаро

Морское дно.

На борту полутемно, лампочки и манометры разбиты, переборки клетушек старших и младших офицеров все наперекосяк, горы тарелок, стаканов, осколков, тахометры тоже все в прах. Вспыхивает слабая сигнальная лампочка. Красная. Из батарей валят пары серной кислоты. Всем надеть маски. Генератор накачки вырубился. Надо заменить перегоревшие пробки.

Глубина двести восемьдесят метров.

Поглотившая нас темнота длится бесконечно, она надолго остается в памяти тех, кто выживет.

Не хватает кислорода. Жесты, как у лунатиков. Сложные движения, путаные. У Манчини онемела рука, это начало паралича. Я массирую. Поглаживаю заклепки, которые сперва ворчат, а потом выскакивают под давлением толщи воды. Одна угораздила Леандри прямо в лоб, тот матерится. Просачивается вода. В цепенящем состоянии страха надо действовать быстро. Затуманенные глаза на лицах в масках больше не задают мне вопросов. Тела засыпают без мами-

ного поцелуя.

Темнота ударяет мне в голову, как в ту ночь на морском берегу, когда еще было спокойно, когда у меня еще не было каркаса, а была только ты.

Крепись, Рина, знай, что я тебя люблю и веду за собой, хотя я и не самый лучший, а просто лучше других тренированный. И потом я сомкнул глаза.

Манчини действующей рукой меняет пробки.

Теперь изрыгните весь оставшийся в вас воздух. Весь. До последнего пузырька, ибо, если это не наш последний вдох и выдох, мы не поднимемся никогда. Стумпо управляет судном как будто дыханием своих легких.

Мы отталкиваемся от дна. Невероятно, это какое-то чудо.

Слышится шум моторов и скрип переборок.

Штурвалы на всплытие. Потихоньку вперед. Всплываем. Всплываем. Всплываем.

Глубина сто метров.

Мы спасены.

Ты имеешь полное право выколоть глаз тому, кто жалуется на прогорклое масло, потому что он не заслуживает лучшей участи. Здесь, в телах этих пацанов, больше страха, чем крови, но они не жалуются, они превращают свое бессилие в

сокрушительную мощь, когда ты ногтем способен потопить эсминец. Они напряжены, словно в ожидании чего-то. Они готовы. И беззащитны.

Рина, я страшно хочу выспаться, когда вернусь домой, но перед сном мы же займемся с тобой любовью?

В глухой тишине лишь едва различим скрежет железа.

9. Ступо

Скрежет железа, значит, у нас хреново. Я выпустил весь имевшийся на лодке запас воздуха, и мы всплыли. Но нам это все равно не в радость. Я уже знаю то, чего не знает никто. Ни эти пастухи-сардинцы, которые сношают овец, ни портные-неаполитанцы, ни все эти юноши, которые вместо подписи ставят крестик. И даже ученые профессора, научившиеся так изысканно щебетать по-итальянски, что кажется, «смычок их скрипки поет»! Но ни один из них не знает. Этого не знает никто.

Тросовые минные сети. Так сказал командир. Он-то все знает. Поэтому мы снова в нерешительности и балансируем, как эквилибристы на натянутом канате. Мы не можем двигаться. Застряли на мертвой точке. Кто-то просто боится, кто-то покрывается холодным потом, кто-то наделал в штаны. Я смотрю в глаза капитану. Бечье́нцо Ступо[14] не за что стыдиться, ни перед кем и ни за что. Мне не стыдно смотреть в глаза командиру, чья лучшая подружка — смерть. Она

---

[14] Примечания: 14
Бечьенцо — неаполитанская форма имени Винченцо.

мне тоже не страшна, она и мне подружка. С того самого дня, когда утонул мой отец с коралловой веткой в руках. Все ныряльщики в то время думали, что кораллы — это растения, но сейчас уже так не думают, а я тогда уже знал, что они не растения, а живые организмы.

Не буду долго тянуть резину, этот трос с подвешенными к нему минами надо как-то перекусить. Иначе взлетим к чертям.

Ну вот. Командир собирается выйти за борт. На глубине сто метров. А если не выдержит? Что в этом случае будем делать мы? Помилуй бог, я его уважаю, но не его это дело.

Даже Маркон, его лучший друг, сообразил, что не его это дело. Сейчас собирается сам. Куда ты лезешь, Маркон? В лучшем случае ты барахтался в своей лагуне и на мели увидел лангуста, который до смерти тебя напугал — ты решил, что это мамина писька. Не твое это дело, Маркон, успокойся. Лучше найди акваланг, где меньше всего пузырьков, на сотню метров выйдет Бечьенцо Стумпо, ныряльщик за кораллами из славного Торре-дель-Греко. Вали отсюда, Маркон, дай пройти, я должен подготовить к погружению легкие. Дайте мне кусачки и заткните рты. Я должен собраться.

Готово. Открывайте рубку.

10. Тодаро

Ступо за бортом. Мы только слушаем, ничего другого не остается. А что можно услышать в гробовой тишине? Ухо гидрофона, кажется, оглохло. Гидрофон — это палец в заднице неодолимой толщи воды.

Слабое, едва различимое поскрипывание. Кусачки не перекусывают, он злится. Но у него получится. Вот увидишь.

Запустить моторы, полная готовность.

11. Стумпо

Сколько обитателей под водой океана. Настоящий бордель. В основном самки-медузы. В засаде акула, которую я пока не вижу, планктон, морской мусор. Сколько рыбешек, и до чего хороши…

Я опутан илом как коконом, а эти тупые кусачки ни хрена не кусают. Богородица, Пречистая Дева, Стелла Марис, заточи это лезвие, которое не кусает. Святой Бечьенцо Римский, покровитель ныряльщиков за кораллами, ты дал мне свое имя, дай мне сейчас твою силу. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не плачь, тут нечего плакать, тут надо кусать. Боже всемогущий и вечный! Да, сильная у тебя кровь, знать, вытекла вся, больше нету. Руками, ногтями, зубами, злостью, чем угодно, я должен перекусить этот трос.

Какое тут разноцветье. Говорят, что тут под водой красиво. И вправду красиво. Я мог бы воспользоваться, что-то сделать, но я ума не приложу, что тут можно еще.

Мне двадцать, пора жениться,
В прекрасную сирену хочу влюбиться.

Каждую ночь я буду ее господин,

Но что будет, если родится сын?

Я умираю. На хуй смерть. Пусть подождет. Подожди, говорю тебе, минутку. Минутку, и я твой. Потому что если я сейчас умру, то для чего я вообще родился?

Папа, а ты чего околачиваешься в этих краях?

Трос перекусился! Спасибо тебе, Богородица Дева.

Лодка на поверхности, пошла свободно, плывет, и у меня защемило сердце.

Я пока тут побуду. Здесь есть медузы, рыбешки, скоро, глядишь, прибудет ундина.

А вы плывите себе, плывите.

Все равно я уже мертвый. Но это меня не ебет.

12. Мулардж

«Чистый воздух смердит».

Как и все подводники, мы произносим эту присказку каждый раз, когда после многих дней, проведенных на глубинах, поднимаемся на поверхность воды и делаем первый глоток свежего воздуха. «Чистый воздух смердит». Это не просто слова пожелания себе удачи, которые мы твердим из суеверия (хотя, по сути, да). И не только шутка, с помощью которой мы разгоняем запахи испражнений и пота, которыми дышали все эти дни, сидя взаперти подводной лодки (хотя и она, по сути, тоже). В этих словах заключена доля истины. В чистом воздухе есть что-то, что действительно смердит. Сама свежесть чистого воздуха изобличает эту вонь. И время, проведенное под водой, позволяет нам это уловить: чистый воздух воняет. Чистый воздух смердит.

Чем, трудно сказать. Потому что пахнет не всегда одинаково. В каждом новом месте по-своему, в зависимости от наших координат, от времени суток (по ночам запах чувствуется сильней), от погодных условий, от уровня влажности воздуха,

от того, как далеко мы находимся от земли. В общем, как всегда, есть струйка чистого воздуха в том зловонии, которым мы дышим, уйдя под воду, точно так же вонь растворена в чистом воздухе, которым мы наполняем легкие, всплыв на поверхность и выйдя наружу. Подводники это знают. Это первое, о чем тебе говорят на курсах. Чистый воздух воняет. Чистый воздух смердит.

Сегодня я впервые дышал океанским воздухом. С большими трудностями мы прошли Гибралтар, потеряли Ступо, ныряльщика за кораллами, и на этот раз погружение было и скорбью, и спасительным облегчением. Мы по очереди вышли на лодку с ощущением, будто воскресли. Я никогда не бывал в океане, учился на канонира и плавал на устаревших эсминцах типа «Ту́рбине», которым дали название ветров — «Боре́а», «Аквило́не», «О́стро», «Дзе́ффиро»[15], бороздивших только Средиземное море. И все равно воздух, которым дышишь на палубе крейсера, даже если и там сидишь взаперти, совершенно другой. Никто не утверждает, что он воняет, поскольку он не воняет ничем. Однако и он не чистый. Он загажен рутинной жизнью, потоками радиосиг-

[15] Примечания: 15
Borea, Aquilone, Ostro, Zeffiro (*um.*).

налов, пулеметами и пушками, народом, который беспрерывно снует взад и вперед. На палубах некоторых крейсеров, где я служил, оборудована волейбольная площадка. Разве здесь может быть чистым воздух, даже в открытом море? И разве он может вонять?

Чем пахнет чистый океанский воздух? Я пока еще не успел понять, сразу не получилось вдохнуть его смрад. Выкатив наружу, все стали жадно курить, в воздухе пахло дымом сигар, махорки, сигарет «Македония», «Альфа», «Милит». А потом со мной приключилась замечательная история, оттого и не успел подышать вовремя чистым атлантическим воздухом с его вонью. Замечательное в моей истории то, что я лично познакомился с командиром. Я вышел на поверхность лодки с офицерами, в числе первых, чтобы проверить сохранность орудий после нашего несостоявшегося затопления. Я осматривал орудие, как вдруг возле меня возник командир. Именно что возник, а не подошел.

«Есть повреждения?» — спрашивает он.

«Нет, господин командир», — отвечаю.

Он молча кивнул. Он был босиком, в форменных бриджах. Над нами повисло хмурое небо.

Он вынул из кармана пачку сигарет и при-

курил, не обращая на меня внимания, но и не двигаясь с места. Это было днем, а днем мы обычно уходим под воду, всплываем только по ночам. Но у нас были неполадки в электросети, и, чтобы ликвидировать их, мы вынуждены были плыть на поверхности. Поэтому прикурить сигарету при дневном свете было неопасно. Но еще до выхода в Атлантику я видел, как он прикуривает по ночам, и он, и все остальные: его друг, старший помощник, прочие офицеры, короче, мы курим здесь все. Но курить по ночам опасно, красный кончик твоей сигареты могут увидеть даже с огромного расстояния. Они прикрывают его ладонью и опускают голову, когда затягиваются, но его не спрячешь, поскольку он живой и даже издалека привлекает к себе внимание. Поэтому я набрался смелости и сказал:

«Командир, можно вам кое-что показать?»

«Конечно». Тогда я вынул из кармана остававшуюся у меня флорентийскую сигарку, поджег ее армейской зажигалкой, одним пламенем, не прикуривая. Чтобы укрыться от ветра, я спрятался за старпома с его обгоревшим лицом, который тем временем подошел покурить за компанию. Моя сигара была раскурена, горящим концом я вставил ее в рот, сжал плотно губы и стал курить

«a fogu aintru», как говорится по-нашему. Красного кончика было не видно, как и самой сигары, они были у меня во рту. Я сделал две затяжки, как только я умею, выпустил дым через нос, после вынул сигару и пригасил о каблук. Командир и старший помощник стояли с открытыми ртами.

«Это называется курить «a fogu aintru»», — объяснил я им.

«Как-как?»

Вначале никто не понимает.

«A fogu aintru», — повторил я по слогам, — курить другой стороной, «с огоньком внутри». Так ты стопроцентно уверен, что враг тебя не увидит».

Командир смерил меня взглядом. Неделя уже, как мы плаваем, но так он на меня еще не смотрел.

«Ты, сардинец, откуда?»

«Из Нурри».

Он не спросил меня, где находится Нурри. Все спрашивают, и я отвечаю: «Рядом с Орроли, где находится самый важный нураг[16] в Сардинии».

---

[16] Примечания: 16

Нураг, или нурага — древние (II в. до н. э.) конусовидные каменные башни без скрепляющего раствора, встречающиеся по всей Сардинии. Наиболее известные из них включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Но он не спросил. Неужели ему известно? Неужели он знает, что наше озеро и река называются так же, как я? Он молча кивнул, не сводя с меня глаз.

«С сигаретами тоже работает?» — спросил он.

«Так точно», — ответил я.

«Рот не обжигает?»

«Если знаешь, как делать».

И тогда, чтобы произвести впечатление, я произнес то, что говорит мой отец, потерявший ногу на плоскогорье Ази`аго в 1917 году, отчего через год на свет появился я: «Во время Великой войны все итальянские воины в траншее курили «a fogu aintru». Их этому научили однополчане из «Бригады Са́ссари»».

Командир отвел от меня взгляд, переглянулся со старшим помощником, продолжавшим спокойно курить. Что-то промелькнуло в их пересекшихся взглядах, но что именно, трудно сказать. Потом повернулся ко мне и произнес то, что я надеялся услышать: «А меня научить сможешь?»

Он имел в виду здесь и сейчас. Вот это номер! Командир, который учится у меня. Старший помощник вышвырнул окурок и, не говоря ни слова, отвалил. Командир остался со мной у орудия. Он крикнул ему вслед: «Врубай музыку и

скажи повару, пусть на ужин готовит клецки!»

13. Джиджино

Старпом заходит в камбуз в то время, когда мы моем котелки и я читаю свою поварскую литанию, как приказал мне командир: зелень репы, кабачки в остром соусе, паста с сардинами, молоко по-португальски… Старпом сжимает мне плечо так, что становится больно, и говорит: «Клецки, Джиджино. Приказ командира». И убегает.

Тогда я как следует пораскинул мозгами и подумал: «Гибралтар мы прошли, добрались до Атлантики, и тут посыпались дары — мы начинаем есть по-человечески». Я обнял своего помощника Бечьенцо, точнее, Несчастного Бечьенцо, как мы его называем, чтобы отличить от другого Бечьенцо, моториста и ныряльщика за кораллами, который сегодня утром вышел в скафандре и не вернулся. Герой, сказал о нем командир, без его самопожертвования мы бы давно уже погибли. Память о нем будет отмечена золотой медалью. Но хотя этого Бечьенцо больше нет, моего помощника продолжают называть Несчастным, потому что он не учился грамоте, а

семья его — целый выводок братьев и сестер, мал мала меньше, живут в приюте и, главное, без матери, а это, по-моему, самое страшное несчастье, которое может настигнуть ребенка. Он знает алфавит от *А* до *И*, а дальше запомнить не может. Он замедлен и глуховат. От роду ему девятнадцать.

«Клецки! — кричал он. — Клецки!» Он, оплакивавший полчаса назад другого Бечьенцо, был вне себя от счастья. Он не лукавил ни тогда, ни сейчас, и это подбадривало меня и помогало расслабиться. Я тоже плакал сегодня утром, а сейчас умираю от счастья. Он не стыдился, и я не стыжусь. Утром был грустен, а сейчас смеюсь. Я жив. Я готовлю клецки, а к ним — самый вкусный на свете соус.

Вперед,
Под глыбой вод,
Смеясь в глаза судьбе и смерти…

Вдруг из громкоговорителей грянул гимн. Тоже приказ командира, бросает старпом, проносясь обратно на верхнюю палубу мимо камбуза. А когда командир приказывает включить наш гимн, приказ подразумевает, что все должны петь, кто бы и где бы ни находился. Гимн наш красивый.

Разить врага

Задача моряка.
Подводники на дне
Стреляют в глубине.
Они уверены в своей судьбе!

Распевая во все горло, Несчастный Бечьенцо набросился на картошку, доселе запрещенный продукт, а я, распевая во все горло, думал о соусе: лук, сельдерей, очищенные помидоры и сыр пармезан. Я уже его предвкушал. Точно так же, как когда познакомился с Анной в военном госпитале в Специи: я предвкушал ее поцелуи с первого раза, когда она мне улыбнулась.

Сидя в засаде,
На дне морском,
Мы наблюдаем за врагом.
Штурвалы на подъем!
Торпеду мы метнем
И море озарим огнем!

Электрический патефон «*Леза*», который играет гимн, командир принес лично. Но он не его. Он не настолько богат, чтобы разбрасываться деньгами, но он богат другим: когда он что-то просит, христиане по-божески ему подают.

14. Степович

В то время как командир учится курить «с другой стороны», а из громкоговорителей второй раз звучит гимн, я замечаю в небе самолет. Я вижу его раньше всех, он — крошечный в затянутом серыми облаками небе, это могло быть и темное пятно в моем глазу, или же муха, или же истребитель RAF в трех километрах от нас, и я, еще толком сам ничего не зная, первым делом кричу: «Командир!» и показываю ему вверху, за его спиной, точку, ближе к корме, ближе к Гибралтару, ближе к Европе, «Командир!».

Это действительно истребитель RAF на высоте три километра.

Необычайное зрелище войны на море — увидеть, как стайка пацанов, сражающихся мокрыми полотенцами, в мгновение ока становится убойной силой. Как правило, при появлении самолета на подводной лодке происходит следующее: звучит сирена быстрого погружения, и за сорок пять секунд, захронометрированных командиром на последних учениях, *со-рок-пять*, лодка скрывается под водой, оставляя на поверхности лишь

пенистый след. Если, как на сей раз, самолет — истребитель, а он истребитель, видно невооруженным глазом, опасность миновала, потому что истребители не сбрасывают глубинных бомб; но на сей раз это на сей раз: мы не можем погрузиться, мы ликвидируем повреждения, у нас работают приводные насосы и сварочные аппараты, открыты оба корпуса, работают люди, поэтому предстоит открытый бой на поверхности.

Раздается приказ: «Занять огневые позиции!» Муларджа вмиг оказывается у первого орудия, к другому подбегает старший канонир Чеи, к пулеметам несутся Пома и Чеккини, скачка́ми по узкому и скользкому настилу. Они парни резвые, но, клянусь, задержись один из них, я бы занял его место за пулеметом. Из орудия я бы рискнул пульнуть по кораблю, но по самолету, с их безошибочной точностью, вряд ли; а из пулемета могу, особенно из тех, которыми вооружен «Каппеллини», я из них стрелял и показал неплохие результаты. Я спросил у командира, разрешит ли он мне разок стрельнуть, спросил по-венециански, потому что ему нравится, когда говорят на его диалекте, а я диалекты изучал в университете: фриульский, фельтринский, венецианский, падуанский, вичентинский, веронский, верон-

ский низинный, полезанский. «Comandante, me faeo sparàr na volta ai inglesi coea mitràlia?» А он отвечает: «Bon!»[17]

С самолета раздается пулеметная очередь, но она, скорее, похожа на чих — самолет высоко, он безвреден и отвечать ему — значило бы разбазаривать свинец. Ясно, что этому самолету не хочется сражаться; ясно, что пилот его думает о прежних утехах, о рассветах и белых деревенских дорогах, и стреляет только, чтобы обозначиться, чтобы лодка свалила, и дело с концом. «Господин капитан, обстрелял итальянцев из пулемета — паф-паф-паф — и они быстренько скрылись, леший их побери». На этом бы и закончилось, не будь сей раз сим разом — мы должны остаться на поверхности и стать стаей хищников, жаждущих британской крови, но этого англичанин еще не понял.

Ле́зен д'Асто́н, начальник канониров, твердым взглядом смотрит с командиром в небо, прищуривая светлые глаза: он самый молодой офицер на борту, моложе меня на год, маркиз из Фландрского дома и патриот до мозга костей, он назначен к нам небесами. Не слышно ни звука, все замерли,

---

[17] Примечания: 17

«Командир, разрешите мне однажды пострелять в англичан из этого пулемета?» — «Добро!» (*венец.*)

«Каппеллини» — это мимикрирующий в сером море монстр, а истребитель все приближается, тоже бесшумно, поскольку летит с подветренной стороны — западные ветры Атлантики, *westerlies*, как их называет тот англичанин в небе, который скоро умрет, это — Сорок рычащих и Пятьдесят воющих ветров, несущихся с мыса Хорн, чтобы здесь погаснуть, они и глушат шум мотора этого самолета, который вскоре превратится в огненный шар и рухнет в ледяные воды. Похоже на кадр из немого кинематографа — самолет летит, а звука не слышно.

И, наконец, начинается стрельба. Англичанин идет на крутое пикирование и меняет угол полета, чтобы цель вырисовывалась перед ним четко, но его встречает шквал свинца из пулеметов и орудий, он делает вираж и улепетывает. Разворачивается, он явно не собирается сегодня умереть, а наши ожесточились и пускают вслед ему пулеметные очереди, хотя пули не достигают цели: наши стрелки — эквилибристы, стоящие на голой поверхности лодки, без возможности зацепиться хоть за что-то ногой. Особенно с таким, как сегодня, морем это все равно, что ходить по канату.

Тут откуда ни возьмись появляется еще один

самолет, и его пилот настроен воинственно: мы еще не успели его увидеть (как всегда, он зашел с подветренной стороны, без малейшего шума), а он уже пикирует, не уходит в вираж, достигнув расстояния выстрела, а продолжает спускаться прямо на нас; мы видим, как он увеличивается, обдает нас огнем пулеметной очереди, мы даже видим его разгоряченную голову, где в наглухо закрытой коробочке хранится память о его бурной и, может, несчастливой жизни, которая для него ничего больше не значит, судя по тому, как он бросается на наши стволы. На этот раз ему повезло, он пустил по «Каппеллини» несколько очередей, мы все бросились на настил, канониры дали промашку, пулеметчики тоже сплоховали, он чудесным образом взлетает, а его более счастливый напарник на недостижимой высоте продолжает шуметь. И что немаловажно: Муларджа ранен. В голову, но, наверное, царапина, иначе его бы уже не было, но он припал к своему орудию и продолжает стрелять, а когда кровь заливает ему глаза, он отирает ее со лба, как пот, взмахом ладони, и обтирает руку о штаны. Когда второй истребитель возвращается, ведя пулеметный огонь, Муларджа ставит на нем точку выстрелом, точным, как взмах сабли: ис-

требитель описал вираж, двигатели вспыхнули, потянулся черный хвост дыма, нарастает громкий рокот, он устремляется на нас — ой-ой-ой — он падает на нас — ой-ой-ой — видимо, этот придурок-пилот вбил себе в голову рухнуть прямо на нас, чтобы умереть за компанию. Он малость ошибся и падает в воду в нескольких метрах от нас, в языках пламени и фонтанах воды, оглушающих нас великолепием своей красоты: той красоты, которая известна только моряку, тому, кто гибнет в морской пучине — серой, белой или голубой, — когда исход сражения решен, и кто-то гибнет, а кто-то выживает. Эту красоту знают только те, кто знает войну, *какой бы она ни была, я слов расточать не буду*[18].

Другой истребитель сбрасывает бомбы, но там сидит пилот, которому не хочется умереть, поэтому бомбы падают на большом от нас расстоянии. Муларджа, как герой с залитым кровью лицом, пару раз его отпугивает, тот улетает, а тут из рубки выходит Даликани и кричит, что Скьясси, радист, перехватил его разговор с базой: у англичанина закончились бомбы и горючее на исходе, он возвращается назад. Он не хотел

---

[18] Примечания: 18
Данте. Ад, VII-60 (*перевод наш. — В.Л.).*

сегодня умереть и не умрет.

Командир срочно требует сигнальщика Барлетту с лампой и диктует ему сообщение для передачи пилоту, который улепетывает от пулеметных очередей: «ДА ЗДРАВСТВУЮТ КЛЕЦКИ». Потом приказывает прекратить огонь, и в океане наступает затишье, как тут снова с подветренной стороны появляется англичанин и, кажется, будто пикирует на нас, но это всего лишь для того, чтобы ответить на наше сообщение миганием своих удаляющихся фар. Барлетта расшифровывает ответ: «ПРИЯТНОГО АПЕТИТА». С одним «П» уточняет он. Истребитель уходит в вираж и возвращается жив-здоров на базу. От другого самолета не осталось ни следа, языки огня на воде погасли, дым развеялся, и даже не всплыл ни один обломок, как будто его и вовсе не было.

На «Каппеллини» раздается победный клич.

15. Маркон

3 октября 1940 года
16 часов 00 минут

Наконец «Каппеллини» смог погрузиться.

Последние десять часов были повторением того, что значит воевать на подводной лодке для тех, кто это забыл, и большой неожиданностью для тех, кто этого не знал: кругом опасности, сверху, снизу, в море, в небе, внутри лодки, снаружи, механизмы портятся, кислорода не хватает. Смерть: моторист Стумпо, отдавший свою жизнь, чтобы мы спаслись. Кровь: канонир Муларджа, раненный в голову тем британским жуком; не сказать, что царапина, скорее приличная рана, крови потерял много. Я промыл ее сразу, как только затихло; кровищи — лужа.

Сейчас мы на глубине пятьдесят метров, спокойно движемся к месту назначения по курсу юго-запад, гидрофоны молчат, можно перевести дух. Тодаро лично занимается раной канонира Муларджи, он зашивает ему лоб иголкой и ниткой. Муларджа достойно мычит. Вокруг них, на корме, собрался весь личный состав, тиши-

на гробовая. Многие парни делают вид, будто наблюдают, но на самом деле отводят глаза и рассматривают манометры, латунные ручки, таблички, прикованные к дверям с надписями: СМАЗКА И СЖ. ВОЗДУХ П. № 1. ПРОДУВ И СЖ. ВОЗДУХ П. № 1.

Я тоже читаю таблички. Для меня слишком сильное зрелище — командир, зашивающий лоб Мулардж. Между двумя манометрами моторного масла вижу крупную головку чеснока.

Не отводят глаза только его товарищи, канониры: Чеи, Пома, Бастино, Фратернале, Бурсич и Боно. И все.

Тодаро нарушает молчание. «Шов не ювелирный, — говорит он, — но кровотечение остановлено». Потом вызывает повара Джиджино по фамилии Маньи`фико[19], то есть по фамилии и чину, как положено: старший матрос Маньифико, и требует принести коньяк. Я его знаю, и если он это делает, то считает, что случай того заслуживает.

Джиджино подает ему коньяк и две рюмки, но Тодаро наполняет только одну и подносит ее Мулардже, тот выпивает залпом. Потом передает

---

[19] Примечания: 19

Маньифико (magnifico, *um.*) — Великолепный, прозвище Лоренцо Медичи, главы Флорентийской республики в эпоху Возрождения.

Джиджино бутылку и рюмки, обменивается с ним понимающим взглядом, смысл которого я не улавливаю, потом помогает Мулардже подняться на ноги. Смотрит на него, как на храброго сына, с гордостью. «Не в моих полномочиях наградить медалью отважного канонира Муларджу, но я все равно хочу его наградить». Он делает паузу. Зная его, я знаю, что он скажет. Он обводит всех взглядом. «С этой минуты он может обращаться ко мне на «ты». Командир, разреши обратиться!»

Это напоминает мне о счастье, которым обладаю я: канонир Муларджа чуть не погиб и сбил вражеский самолет, чтобы заслужить преимущество, доставшееся мне задаром.

Подъезжают горячие клецки. Вот что значил тот заговорщический взгляд.

16. Тодаро

Дорогая Рина, уже неделю у нас ничего не происходит.

Днем мы плывем под водой и дышим выделениями человеческого организма. На борту нет душа, из двух туалетов один сломался. Не хватает питьевой воды, клецки представляются далекой мечтой.

По ночам всплываем, и я порчу вонь чистого воздуха дымом сигары, которую курю «a fogu aintru», как научил меня Муларджа, потом покажу. Мы еще далеки от цели этого плавания под кодовым названием «*Засада*».

Наш бомбардир Леа́ндри, из Ливорно, поссорился с канониром По́мой, сицилийцем, на религиозной почве. Это была эпическая, первородная схватка, титаническая борьба по важнейшему вопросу, над которым пыхтят и пишут трактаты философы, а животные задирают голову и воют. Они чуть не дошли до драки, бросая друг другу оскорбления, в которых не понимали ни слова. Пома расшиб себе руку о стальную переборку, что для канонира нехорошо. Но за кинжал никто

не схватился.

Это и есть объединенная Италия, Рина. Тут житель Ливорно не понимает сицилийца, как будто они иностранцы, жители двух разных и удаленных планет, разнящиеся языком, культурой, темпераментом.

Минитти, Скьясси, Манчини, главный по торпедам Джузеппе Парлато, Негри, Раффа — это коллекция бесноватых взглядов, прыщей, грязных волос, пухлых губ, вздувшихся на лбу вен, натянутой кожи, татуировок, рук, не находящих себе места.

На стенах кают наклеены святые, чудотворцы, богородицы, жены, невесты: вырезки фотомоделей из журналов, прибиты рога и подковы. Между приборами засунуты головки чеснока.

Вся молодость мира заключена в этой стальной сигаре.

И все же этот клубок, где перепутались и сплавились все диалекты, мелкие ручные поделки и великие творения человеческого гения, устойчивые языческие верования, христианская революция равенства и старые реликвии — это наше сокровище. Именно этот бордель, гнилая и чудесная Италия.

Рина, гордись нашей битвой, передай эту

гордость нашему сыну и не сердись, что не получаешь от меня писем, мы сейчас включаем радио только в случае крайней необходимости.

Спина болит, но я не прикасаюсь к морфию, хотя и хочется, ты не представляешь насколько, продолжаю занятия йогой, когда нападает тоска, и я думаю о Соттомарине, о нашем детстве, о доне Вольтолине, отдающем свою пищу тому, кто голоднее.

И тогда я решаю излечиться от боли расстояния еще большей болью, и призываю Маркона побалагурить по-венециански. Сладость домашнего языка убаюкивает меня, я уже не чувствую себя далеко, я как будто дома.

17. Маркон

13 октября 1940 года
22 часа 15 минут

Уже много дней мы плывем без цели, бороздим зону нашего назначения вдоль, поперек и по диагоналям. Ночью выходим подышать воздухом и загрузить батареи, днем идем под водой, ведь это война, на которой никто не воюет, не видно врага и вообще никого. Только серая вода да мрачное небо, или наоборот. Из Бетасома не поступает сигналов о конвоях, которые мы должны подорвать. Даже «Радио Андорры» и то замолкло.

Тодаро устал, это видно. Устал и мучится в своем железном корсете, который скрывает под застегнутой доверху рубашкой. Вместе с корсетом он пытается скрыть свою боль, но я вижу, что он страдает, мне знакома эта боль. Она никогда тебя не покидает, где ты, там всегда и она. Эта боль сблизила нас в госпитале.

Сегодня вечером он попросил меня зайти к нему в каюту. Я с первого дня плавания сюда не входил и думал, что не доведется. Он усадил меня на свой стул. Снял с себя брюки, рубашку, натель-

ную шерстяную майку, сел на койку в трусах и металлическом корсете, прислонившись спиной к переборке. Закрыл глаза и вскоре расслабился. На меня — ноль внимания. Как будто меня там не было. Я сидел, как треска под маринадом, боясь потревожить его своим дыханием, и так продолжается уже пять минут.

Странная ситуация.

Я только вращаю глазами, потому что они не производят шума. Рассматриваю его секретный мирок. На столике, кроме письма жене («Дорогая Рина…»), пузырек морфия, нераспечатанный, красная обложка «Магнетического журнала» за ноябрь 1930 года. На обложке написано «История оккультизма» и дальше «Оглавление: Ментальный план»…

Вдруг слышится его голос.

«Parlàme in venexiàn», — говорит он.

«In venexiàn?»[20] — отвечаю я вопросом на вопрос, как еврей.

«Да. На диалекте».

«E cossa gòi da dirte?»

«Quel che ti vuò. Pàrlame dei to sogni. Dee to pasión.

---

[20] Примечания: 20

«Поговори со мной по-венециански». — «По-венециански?» (*венец.*)

Déa to faméja. Xé un ordine»[21].

На его лице обозначается едва уловимая улыбка, и я, не раздумывая, как всегда, когда исполняешь приказ, начинаю говорить:

«Ну да, о моей семье, притом, что я сирота, и моя семья — Военный флот. Давай лучше о семье моей жены: семья у них большая, всех не упомнить: зятья, невестки, свекры и свекрови, племянники, живут друг у друга на голове в фермерском доме на Сант-Эразмо[22]. Здесь, мне кажется, просторнее, чем когда я еду к ним в отпуск. По фамилии они Бóсколо. Славный народ. Крестьяне с незапамятных времен. На Сант-Эразмо у них земля, выращивают главный овощ на острове. Артишок. И белый виноград для просекко. Они корнями привязаны к земле. Моя жена отказалась ехать со мной в Таранто, Ливорно, а потом в Специю, предпочла остаться в деревне и детей наших вырастила там. Я там чувствую себя не в своей тарелке, но она взяла с меня слово, что когда закончится война и я вернусь целым, то уволюсь из флота и перееду туда».

---

[21] Примечания: 21

«О чем?» — «О чем хочешь. О твоих мечтах. О том, кого любишь. О семье. Это приказ» (*венец.*).

[22] Примечания: 22

Сант-Эразмо — остров в Венецианской лагуне.

Интересно, пока я рассказываю своему капитану на диалекте про свою семью, поскольку он мне приказал, я чувствую что-то странное и понимаю, что ни с кем, даже с ним, никогда не говорил о таких простых вещах. Поэтому я продолжаю, мне нравится быть здесь и говорить, я сам расслабляюсь и отдыхаю.

«Mé sogni. Mé pasiòn…»[23]

«Ну да, поеду к ним и займусь разведением ослов. Я люблю ослов, даже больше людей, это самые прекрасные создания Творца. Терпеливые, смиренные и строптивые, потому что ослы умные. Как они предупреждают удар палкой, как движением уха сгоняют муху. Мне нравится, с каким достоинством они опускают морду, с достоинством, которое присуще только им. И так нежно стоят на своих коротких ножках. Я люблю их больше людей, но пока за людей приходится отдавать свою шкуру».

Тодаро, кажется, расслабился и задремал, прислонясь спиной к переборке. От соприкосновения корсета с кожей вокруг бедер образовался фиолетовый обод. Как только я умолкаю, он показывает, что меня слушает, и повторяет: «Ослы…

---

[23] Примечания: 23
«Мои мечты. Моя любовь» (*венец.*).

Красавцы…»

Я потихоньку встаю и кладу ему под голову подушку. Думаю, выйду на цыпочках, но как только я это подумал, клянусь, как он меня останавливает. «Останься здесь… И разбуди меня через часик».

Это весь его отдых.

«Un’ora la zé massa poco, Salvatór».

«Te gò dito un’ora… Zé un ordine».[24]

Глаза закрыты, он бормочет сквозь сон.

Я усаживаюсь на место.

В моем распоряжении час. Возвращаюсь к журналу в красной обложке: «Оглавление: Ментальный план в человеческой жизни. Оккультные силы: источник магии. Оккультные силы: гипнотические опыты. Индуистские учения: человеческий прах. Посвящение в индуизм. Некромантия. Чистый воздух. Наука и оккультизм».

Его грудь, закованная в металлическую клетку, ровно вздымается и опускается, лицо разгладилось во сне. Он наконец отдыхает.

«Un’ora la zé massa poco».

---

[24] Примечания: 24

«Сальватор, часика маловато».

«Я сказал тебе, час… Это приказ» (*венец.*).

18. Муларджа

«Po cambiai su chi apo nau cun s'ordini de ainnanti, po serviziu de chistionis sìghidi puru pusti su dosci de su mesi de ladamini usendu s'ora de lei in s'istadi. Passu».

Из аппарата с треском доносятся фразы, которые только я могу разобрать. Младший лейтенант Антонио Му́ллири, находящийся на новой базе итальянских подводных лодок в Бордо, кодовое название «Бетасом», радирует с французского трансатлантического эсминца «*Адмирал де Грасс*», на котором наш Королевский флот разместил свою радиорубку, и разговаривает со мной на кампиданском сардинском[25]. Я делаю в тетради заметки. Командир, старший помощник Маркон и радист Скьясси слушают, склонив голову набок, поскольку ничего не понимают.

Когда Му́ллири говорит «Passu», я ему отвечаю: «Tempus. Du nau a su Cumandanti»[26]. Потом вы-

---

[25] Примечания: 25

Южный сардинский диалект по названию широкой долины Кампидано.

[26] Примечания: 26

«Прием». — «Минутку, я передам командиру» (*сард.*).

ключаю микрофон, беру свои заметки и перевожу командиру сообщение на итальянский:

«В порядке изменения предыдущего приказа, легальным для всех радиосообщений после 12 октября остается летнее время».

Эта мысль родилась у меня: использовать кампиданский сардинский для переговоров с «Бетасомом»: третья моя заслуга с начала нашего плавания. Первой была та, что я научил командира курить «a fogu aintru». Вторая — сбил английский истребитель, за что командир меня наградил. Третья — предложил разговаривать на сардинском, чтобы англичане ничего не поняли из наших разговоров с французской базой. До сих пор всё идут служебные сообщения, не имеющие большого значения, но ведь тут никогда не знаешь: а поскольку радистом на «*Адмирале де Грассе*» работает мой земляк Му́ллири, хотя мы с ним не односельчане, я из Нурри, а он из Мандаса, близлежащей деревни, короче, я сказал командиру, обращаясь к нему на «вы», хотя он мне разрешил обращаться к нему на «ты», но я не осмеливаюсь: «Почему бы вам не предложить командованию держать связь с Му́ллири на кампиданском? Это надежнее любой шифровки». Командир счел эту мысль замечательной, и с тех

пор как мы в Атлантике, мы получаем служебные сообщения от Му́ллири, зашифрованные на нашем языке, и я их перевожу для офицеров «Каппеллини». Отец будет мной гордиться. Он, пехотинец из «Бригады Сассари», потерявший ногу на плоскогорье Азиаго и награжденный бронзовой медалью «За воинскую отвагу», был недоволен моим призывом во флот, но когда он узнает, что я отличился на «Каппеллини» под командованием капитана Тодаро, будет мной гордиться.

Включаю микрофон и спрашиваю, всё ли на сегодня: «Grassia, Mùlliri. Non c'est atru? Passu»[27].

И вдруг неожиданно не всё: «Eja. Eja. C'est un avvisu erribbau immòi immòi. Anti singialàu unu bastimentu stranu meda in fundu a unu stragàssu militari ingresu in sa sutt'eozona de bardàna numeru unu andendu concas a nord-sud. Passu».

Я взволнован, поскольку понимаю, что это означает, выключаю микрофон и перевожу:

«Был обнаружен неопознанный корабль, за которым на отдалении следует британский военный конвой в зоне засады «Номер Один», по курсу север-юг».

---

[27] Примечания: 27
«Спасибо, Му́ллири. Ничего больше? Прием» (*сард.*).

Все воспряли духом, потому что зона «Номер Один» — наша. Этого сообщения мы ждали со дня выхода в Атлантику. Командир говорит: «Курс север-юг означает, что он плывет во Фритаун».

В громкоговорителе снова трещит голос Му́ллири по-итальянски: «Муларджа, ты еще здесь? Прием».

Я отвечаю ему по-сардински: «Chei o Mùlliri, naramì. Passu»[28].

Но Му́ллири продолжает на простом итальянском, как нас учили в Академии: «У меня сообщение для командира Тодаро. Командир, вы меня слышите? Прием».

Мы обмерли: Му́ллири забыл сардинский? Командир берет у меня микрофон: «Я слушаю. Прием».

Словно заметив наше замешательство, Му́ллири пускается в объяснения: «Я говорю по-итальянски, господин командир, потому что это личное сообщение. От лица моего кузена Эфизио Каре́дду, электрика, которого вы оставили на берегу в Специи. Через три дня после вашего отплытия у него обнаружился перитонит. Срочно прооперировали. Не оставь вы его на земле, гля-

---

[28] Примечания: 28
«Слушаю тебя, Му́ллири. Прием» (*сард.*).

дишь, уже бы помер».

Мы все смотрим на командира, который с трудом выдерживает наши взгляды. Му́ллири продолжает: «Каредду просил передать вам свою благодарность, он и вся его семья кланяются вам, включая, с вашего позволения, и меня».

Командиру все труднее сохранять лицо сфинкса. Однако ему удается, и все, что он делает в конце концов — это шмыгает носом.

19. Тодаро

Знаешь, Рина, наш бортовой татуировщик, канонир Бастино, нарисовал на стене своей каюты огромного мага Баку. С металлическим торсом. Говорят, что копия я.

Меня тут прозывают магом Баку. Я не сержусь, напротив, смеюсь, тут шутка дорогого стоит. Но я и в самом деле вижу, что будет. Вижу, когда приблизится враг, и жду его появления с пушками наготове.

Еще вижу, что умру на войне. Ну хорошо, будь неладен тот грек, предсказавший мне судьбу, я умру. Но только во сне. Живым меня не возьмут.

20. Моранди

Умей я в людях видеть так же, как вижу в море, я был бы магом, как командир. Но в людях я ничего не могу разглядеть: я каждый раз открываю от изумления рот, когда налицо человеческая подлость, ложь, нечистая совесть. А в море я вижу все, даже в такую тьму и ненастье, как сегодняшней ночью.

Сегодня я увидел нашу добычу. Пусть это будет удача, счастливый случай, но тот корабль, который мы ищем, сегодня увидел я. Меня оставили на вахте вместо того, чтобы сменить, глаза закрываются сами, в помощники дали Сирагузу, он из Минео, юг Сицилии, и когда говорит, ничего не понятно, поэтому с ним даже не потрепаться. Старший помощник Маркон сказал мне на своем венецианском диалекте, тоже непонятном, но смысл был такой: «Ты его увидишь, Моранди. У тебя глаз-алмаз». Его замечание ободрило меня больше, чем восемь часов полноценного сна.

Вопрос даже не в глазе, ведь мы наблюдаем за морем не просто глазами, а через бинокль: это вопрос умения видеть в море. Дома я с берега

видел рыб и ловил их руками, видел рыбацкие шлюпки, попавшие в шторм, и вытаскивал их на берег. Видел тонущих людей и бросался им на помощь. Есть люди, которые могут видеть на большом расстоянии животных, в горах, например, где я ничего ровным счетом не вижу: «Смотри, там горный козел!» — «Где?» — «Рядом с тем гребнем». — «Каким гребнем?» — «Который над откосом». — «Каким откосом?» — «Который справа за потоком...» Но в море я вижу все. Понятно, что для этого я должен сам находиться в море, слышать его рокот, чувствовать запах, там должны быть волны и брызги, которые все заливают, и многие их терпеть не могут, а мне в самый раз. Поэтому корабль, который мы ищем, сегодня ночью увидел я один.

Я выдержал время, чтобы доложить командиру, — он то показывался, то исчезал с зыбкой линии горизонта, иллюзий нам хватало за последнее время, но этот не был иллюзией. Я рассчитывал увидеть флаг, то есть флаг я видел, но хотелось увидеть, чей он, но мы были слишком далеко, самое малое пять километров, никто бы не сумел разглядеть. Но мне надо было доложить по полной и про корабль, и про флаг. Я рисковал, потому что с минуты на минуту его с таким же

успехом мог увидеть Сирагуза, поэтому, когда судно оказалось на гребне волны, расширилось поле обзора и силуэт его вырисовался четче, я решился: «Вижу пароход на 11 часах слева от нас! Расстояние пять километров!»

«Каппеллини» мигом проснулся: моряки бросились на корму, свист, крики, и в течение двух минут, или того меньше, возле меня на центральном посту возник командир. Босиком, в рубашке на металлическом торсе, в семейных трусах и штормовке, через бойницу всматривается в даль. «Одиннадцать часов, командир, — уточняю я. — Видите? Торговое судно».

«Черт побери, да!» — отвечает он и продолжает смотреть. «Молодец, Моранди!» А Сирагуза сзади грызет ногти.

Я знаю, поймав корабль на глаз, командир сейчас изучает подробности: мачта, неразличимый флаг, пушка на шканцах в кормовой части, все огни погашены… Тогда я начинаю перечислять то, что он видит, как будто я там уже побывал: «Свет погашен. Это грузовой корабль, водоизмещение восемь-десять тонн, на корме пушка».

Но командир продолжает молчать, может, не видит пушку, ее нелегко увидеть, потом вдруг спрашивает: «А конвой?»

Я отвечаю: «Конвой не виден».

Ночь сегодня пасмурная, мутная. Капитан продолжает всматриваться. «Непонятно, чей флаг», — говорит он.

«Непонятно», — повторяю я. Командиру известно, что если не знаю я, то и никто не знает. Но зато есть корабль, его мы нашли.

На этом мой вклад заканчивается. Я ведь всего лишь гардемарин. Он — командир. И вся прелесть быть командиром начинается для него сейчас. «В любом случае, — говорит он, — корабль вооружен, плывет с погашенными огнями в зоне военных действий. Я его потоплю».

21. Маркон

15 октября 1940 года
23 часа 15 минут

«Занять огневые позиции!»

«Каппеллини» содрогается от оглушительного крика, этой минуты мы ожидали все. Немногим известно, что происходит, а именно, что Моранди засек корабль и Тодаро решился его атаковать. Большая часть этих ребят живут в своих клетушках за переборками в трюме и ничего, кроме манометров, тросов, маховиков и вентиляционных люков, больше не видят. Их болтает, швыряет, заносит и днем, и ночью, сливающихся в одну бесконечную тьму. Они выплеснулись в этом крике и сейчас заняты исполнением приказов, которые отдает командир и передает старший механик Бурсич.

«Полный вперед, курс десять градусов по правому борту!» — и «Каппеллини» набирает скорость. «Скорректировать курс на пять градусов по правому борту», чтобы стать малозаметной целью. «Nemìgo… no eo savémo gnanca se «l xé el nemìgo.

Niàltri sperém, ma no xé che sémo sèrti»[29].

Дизельные моторы заработали на полную мощность. Их мерное урчание при нормальном ходе сейчас превращается в рев. Тодаро подает знак гидроакустику Миннити. Тот вслушивается в свой инструмент через наушники и докладывает: «Мы приближаемся».

«Расстояние?»

«Две тысячи пятьсот метров».

Тодаро направляется к боевой рубке. Я знаю, что у него на уме, я его знаю, но все равно для верности спрашиваю: «Мы погрузимся и пустим торпеды, Сальватор?»

Тодаро уже держится за поручень лесенки: «Нет».

Кто бы сомневался! Командир Тодаро — непримиримый противник торпед.

«Ste suposte no e trova mai el cùeo, — говорит он на диалекте, чтобы поняли только я и Степович. — Stemo su. Sté pronti coi canóni»[30].

Значит, атака с поверхности. Точнее, *засада*, как

---

[29] Примечания: 29

«Враг… мы даже не знаем, враг ли это. Мы надеемся, но наверняка не знаем» (*венец.*).

[30] Примечания: 30

«Попал пальцем в задницу со своими предположениями». — «Будем атаковать с поверхности. Готовьте пушки» (*венец.*).

гласит боевой приказ. Тодаро просит отключить дизельные моторы и перейти на электрические, даже на поверхности они не шумят.

Мы выходим в открытый океан. Ночь посветлела. По мере приближения к цели море становится все спокойнее: говорят же, что Атлантика хуже капризной вдовушки, что правда, то правда. В течение получаса переходит от бури к затишью.

Мы натянули на головы капюшоны штормовок, не потому, что нам холодно, а потому, что так мы видим друг друга черными ангелами апокалипсиса, и это нас заводит. Адреналин — лучшее противоядие от страха смерти.

`

`

22. Лезен д’Астон

Море спокойное. Черное. Нефть.

«Каппеллини» скользит по поверхности воды. Ни отблеска на металле.

Черная хищница тихо и стремительно бороздит темноту.

Командир крепко стоит на корме, как укротитель диких зверей на спине лошади.

Он как был, так и остался полуголый.

Сверяется с наручными часами, которыми флот снабдил офицеров. Без нескольких минут полночь.

Мы подошли к неизвестному кораблю, его громада под нашим прицелом. Мы идем с ним по одной прямой, уменьшая вероятность обстрела.

Командир сдерживает нас.

С неопознанного корабля раздается выстрел. Мимо, перелет.

В прицелах канониров судно как на ладони.

Командир махнул рукой: «Огонь!»

Канониры с азартом стреляют.

Бастино, первый удар. Промах. Пома следом за ним. Промах.

Пома не снял с себя капюшон штормовки, лицо его — гримаса боли. Он не может работать правой рукой. Он сломал кисть, когда собирался врезать Леандри, но промахнулся и попал в переборку. Сцепив зубы, он продолжает стрелять, но точный удар нанести не может.

Вокруг нас летают осколки снарядов, пущенных с вражеского судна, которому удалось скорректировать стрельбу.

Степович что-то говорит командиру, мне не слышно. Тот кивает.

Степович подходит ко мне, борода торчит из штормовки.

«Пома не может стрелять. У него сломана рука. Я буду вместо него».

Он подходит к Поме и отрывает его от орудия.

Пома — парень заносчивый, мог бы дать отпор, но офицерское звание Степовича заставляет его подчиниться. Боль в руке, наверное, тоже.

Он смотрит на меня.

Я командир канониров. Даю ему знак отойти, и Степович занимает его место.

Я командую стрелковым подразделением и должен был бы назначить Муларджу, Нучиферо, Чеи или Чеккини — они канониры. Или же себя, в крайнем случае. Степович не имеет никакого

отношения к стрельбе. Но он мой друг. Мы двое — самые молодые офицеры на борту. Он мне не раз признавался, как ему хочется пострелять. К тому же он спросил разрешения командира, и тот не возражал.

Неопознанный корабль действительно скорректировал точку прицела, град свинца долетает до поверхности «Каппеллини».

Раздаются залпы огня.

С первого выстрела Степович поражает иностранный корабль, на его корме вспыхивает пожар.

Степович орет от счастья.

Сейчас на борту корабля можно прочитать его название: «Кабало».

А вот почему не виден был флаг: он обмотался вокруг флагштока. Не виден он и сейчас.

С «Кабало» продолжают стрелять, над нами несется свинец, но со следующим залпом Степович прямым попаданием поражает его единственную пушку на шканцах и разносит ее на части.

Однако из пушки успели выстрелить, и на поверхности «Каппеллини» взрывается снаряд. Степович ранен, он падает. Командир, старший помощник и я кидаемся к нему на помощь.

Раздается голос вахтенного: «Вражеское орудие выведено из строя». Пальба действительно прекратилась. Капитанский мостик и весь корабль пылают.

На центральном посту «Каппеллини» тоже вспыхивает пламя, но экипаж его гасит.

Пулемет продолжает стрелять.

Командир обхватывает Степовича, стягивает с него штормовку. Видит кровавое месиво вместо ноги и смотрит ему в лицо, чтобы тот не увидел ногу.

Бросает Маркону:

«Возьми трех парней. Перенесите его вниз».

Степовича бьет дрожь.

«Командир, я видел ногу».

Голос его тоже дрожит. Ноги больше нет. Валяется сапог. Откуда он взялся? Ниоткуда.

«Командир, оставьте меня здесь. Хочу увидеть, как он пойдет ко дну».

Тодаро вздыхает — раз, другой… Стягивает с себя штормовку. Говорит Маркону: «Принеси мой морфий».

Мой морфий…

Вероятно, это для спины, мы, вероятно, не знаем своего командира, и этот корсаж вокруг торса доставляет ему, надо думать, немало боли.

Маркон исчезает в рубке.

Мы ничего не знаем о своем командире.

Он приподнимает голову Степовича, чтобы тот видел огонь, пожирающий корабль, как погребальный костер на черной глади вод.

Обращается ко мне: «Разворачивайтесь на девяносто градусов и пустите в него торпеду 533 миллиметра».

Я подзываю сержанта Парлато, повторяю приказ.

Парлато подходит к рубке. Повторяет приказ.

«Кабало» пылает и заваливается на бок.

Степович поднимает голову. Его бьет лихорадка.

«Пустим торпеду, командир?»

Для выполнения приказа «Каппеллини» делает маневр. Чеи из пулемета продолжает вести огонь по горящему кораблю. Взрыв торпеды освещает небо, но слишком далеко.

Мой голос тоже дрожит: «Мимо. Перелет. Придется повторить…»

«Не стоит, Лессен! Оставь. Муларджа!»

Подбегает Муларджа с перевязанным лбом.

«Вызывали, командир?»

«Отправь его на дно».

Локтевым захватом командир удерживает го-

лову Степовича.

Он не любит торпеды, мы это знаем.

Сейчас мы находимся на близком расстоянии друг от друга. Виден флаг корабля.

Глаза Степовича еще открыты: «Это бельгийцы, командир».

«Да. А собирались объявить нейтралитет, шуты Господни».

«Я доложу».

У него еще хватает сил шутить.

Муларджа выпускает первый снаряд, промах. Выпускает второй — в точку.

Ярко-красное пламя вырывается из кормового трюма. Изнутри доносится треск, за которым следует оглушительный взрыв.

Люди в горящей одежде прыгают в воду с мостика. Слышится свист, крики, потом вдруг наступает неестественная тишина и слышно, как огонь пожирает бревна.

Прибегает Маркон с пузырьком морфия. Командир знаком дает понять Степовичу, чтобы тот не беспокоился. Наполняет шприц и делает укол. Пытается держать повыше его голову, чтобы ему видно было зрелище огня, завалившего «Кабало» на бок.

Раздается треск рвущихся стальных вантов.

Инфернальная музыка.

Погружаясь на дно, «Кабало» пищит, как живой лангуст, брошенный на дно кипящей кастрюли.

Степович медленно закрывает глаза, кажется, он больше их не откроет, но они открываются сами, когда корабль уходит на дно.

Уходит враз, торжественно, оставляя полоску белого пара от горевших недавно рей.

«Спасибо, командир».

Тишина и молчание.

23. Степович

Машины. Это война машин. И мир, который за нею наступит, будет победой машин. Будущее будет временем машин, они помогут человеку процветать, как сейчас помогают пустить на дно вражеский корабль. Но машины будут лучше людей, они будут думать и рассуждать: это точно, будущее подарит нам умные машины, с которыми мы будем советоваться, с их помощью освобождаться от страха, и это будущее уже недалеко, за этим пылающим кораблем, за этим черным горизонтом, сразу же за тем временем, когда мы прекратим убивать друг друга и найдем приемлемый способ сосуществования в мире. Я его вижу. Машины ожидают нас в будущем, а будущее — сразу же за войной. Нас ждет чудесное время.

24. Лезен д’Астон

Не будь Степович моим другом, его бы там не было. Не будь он моим другом, там бы сейчас был Нучиферо, или Чеккини, или Чеи.

Степович опять закрывает глаза. Больше они не откроются.

Командир сжимает пальцами виски весь тот нескончаемый миг, когда смерть, любая смерть, спирает дыхание и кажется непреодолимой.

Если бы он не разрешил, Степович сейчас был бы жив.

Но потом он делает глубокий вдох носом, поднимает глаза и встречается с моими, с Марконом, с Парлато и понемногу приходит в себя.

Он еще держит в своих объятиях смерть, но она уже не перехватывает дух.

Тишину нарушает какой-то болтливый матрос.

25. Тодаро

И вот оно в результате случилось.

Мы потопили корабль, плывший с погашенными бортовыми огнями, но дело не в этом: это, скорее, причина, по которой мы находимся здесь. Мы потеряли еще одного человека, молодого, талантливого, храброго офицера.

Но, Рина, дело даже не в этом.

То, что случилось, случилось сразу же после, когда уже порвались ванты и корабль ушел на дно. Пока догоравшие пятна бензина коптили море, случилось то, что лишало меня сна даже в спокойные ночи, о чем я не переставая думал, задавая себе вопрос, что я буду делать, если это случится, то есть не если, а когда случится, поскольку я знал, что рано или поздно это произойдет.

Первый голос раздался с кормы: «Двое людей в море, плывут к нам. Командир, что будем делать?» Я держал на руках тело Степовича, только что погибшего героической смертью. Луч света прорезал темное, как в аду, море, из которого доносились отчаянные крики и еще более отчаянные сигналы свистков.

С кормы опять прозвучал голос: «Двое людей по левому борту, командир! Что будем делать?»

Люди, потерпевшие кораблекрушение, Рина. Побежденные люди, устремляющиеся из последних сил к черной подводной лодке, причинившей им столько бедствий. Люди, у которых еще полчаса назад было все то, что есть у каждого из нас, я, Рина, заметь, не говорю о деньгах, о богатстве, я говорю о простых вещах, которые любой мужчина держит при себе даже на войне: фотография любимых людей, бритва, мыло и помазок для бритья, сигареты, коробок спичек, расческа, бриллиантин, ножнички, ключи на брелоке, пара сменной одежды, шерстяной свитер, связанный мамой, домашние тапочки, карманные часы, принадлежавшие какому-то предку, автоматическая ручка, на кончике пера которой засохли чернила. Все эти незамысловатые вещи, содержавшиеся на корабле, погружались сейчас на дно. У этих людей больше не было ничего. У них было только тело, тяжелевшее и приближавшееся к концу с каждой минутой, но пока еще теплое, которое студеная вода вскоре превратит в ледышку. Хотя нет, Рина, я не прав, говоря «у них было тело». Они были этим телом, и больше ничем другим. Они не были выжившими в бою, как

их называет в своем приказе № 154 Дёниц[31], они были людьми, потерпевшими кораблекрушение. Я видел их вытаращенные глаза и открытые рты. Они приближались, а я все держал на руках холодное тело Степовича, которого я любил.

Слышу, Маркон говорит: «Сальватор, приближается шлюпка. Забита людьми. Что будем делать?».

Приказ № 154 Дёница предельно ясен: он требует бросить выживших и уплыть. Приказы лорда Каннингема и того же Черчилля по британскому флоту ничем не отличаются от этого: сразить, потопить, исчезнуть. Мы на войне, черт побери.

Мы на войне, Рина, и ты, как никто, знаешь, насколько я предан войне, насколько мое существо предназначено для сражения и чем я готов пожертвовать ради войны. Ты это знаешь потому, что ты — мое жертвоприношение этой войне: наша любовь, наше семейное счастье. Да, мы на войне, я это прекрасно знаю: но не только на ней. Мы находимся в море. И мы люди. А у моря свои законы, так же как у людей. Независимо от того, есть война или нет ее.

---

[31] Примечания: 31

Карл Дёниц (*нем.* Karl Dönitz) — командующий подводным флотом (1939–1943) и главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии (1943–1945).

Приказ № 154 Дёница предельно ясен, Рина, но той ночью в Атлантике Дёница не было. Был только я, и надо мною добрый Бог, как говаривал дон Вольтолина: «Добрый Бог, который все видит…»

Сколько я думал об этом, Рина? Каким представлял себе этот час? Сколько раз я себя спрашивал: «Командир, что будем делать?»

26. Маркон

16 октября 1940 года
4 часа 00 минут

«Тащите их на борт».

Я лично повторяю приказ Тодаро, и моряки бросаются его исполнять, подхватывают тех, кто добрался вплавь, скорее мертвые, чем живые, и вытаскают их на борт, тут же вырисовывается все ближе к нам переполненная людьми шлюпка, плывущая в пятне нефти, оставленном «Кабало», и переливающемся всеми красками радуги в луче бортового прожектора.

Потерпевших крушение в море пятеро, у одного не хватает сил даже уцепиться за веревку, чтобы его подняли на лодку. Его поддерживает товарищ и кое-как помогает ему взобраться наверх, после чего поднимается сам. На палубе его усталые, благодарные глаза сталкиваются со взглядом Тодаро и наполняются жизнью. Еще троих поднимают на палубу «Каппеллини». Двое из них черны как ночь, выдавшаяся сегодня. Бастино и Кардилло посматривают на них подозрительно и боязливо прикасаются к ним. У третьего, белокожего, как у

меня, обожжено лицо.

К «Каппеллини» причаливает шлюпка, ее освещают наши бортовые фонари. Я пересчитываю количество ее пассажиров: еще двадцать один человек.

Тодаро обращается к парню, с которым пересекся взглядом, тем, который помог товарищу: «Français?»

Парень возраста нашего Степовича, холодное тело которого лежит рядом. Одежда на нем насквозь промокла, местами обгорела: наверное, один из тех, кто в горящей одежде бросался в воду. Но ни страх, ни усталость, ни зрелище перед собой полуголого офицера не в силах стереть необыкновенную красоту его черт.

«Я говорю по-итальянски», — отвечает он.

Тодаро просит его представиться, молодой человек называет себя лейтенантом Жаком Реклерком. У него почти неуловимый акцент, он разговаривает на нашем языке лучше многих из нас, включая в том числе и меня. Тодаро спрашивает у него то, что нам уже известно, а именно, название и национальная принадлежность разбитого нами корабля. Тот отвечает и добавляет, что Бельгия является нейтральной в этой войне. Тогда Тодаро спрашивает у него, почему они плы-

ли с погашенными огнями, но тот говорит, что не знает. Тодаро указывает на черный горизонт: «А с какой стати английский военный конвой сопровождал нейтральное судно?» Никто не видел этот конвой, но вопрос, кажется, попадает в точку, поскольку парень не отвечает и поворачивается к шлюпке. Он ищет глазами кого-то и останавливается на крупном господине с насупленным видом. Судя по нарукавным нашивкам, должно быть, командир. Он угрожающе смотрит на своего лейтенанта, и тот молчит как рыба.

Тодаро осматривает этого командира, зрелого, солидного господина с дубленой кожей и морщинами на лице. Берет под козырек и осведомляется, говорит ли тот тоже по-итальянски. Тот на приветствие не отвечает и произносит одно только слово, которое даже я понимаю: «Dutch». У него презрительный взгляд, но Тодаро не обращает внимания и даже улыбается. Поворачивается ко мне и говорит: «Sti qua no ì xé miitàri, no stémo qua a meravejàrse»[32]. Далее снова обращается к коллеге и приглашает его подняться на борт «Каппеллини». Тот понимает, поскольку покидает шлюпку, где царит ирреальная тишина, и

[32] Примечания: 32
«Это не военные, тут нечему удивляться» (*венец.*).

поднимается на лодку. Хотя он и не военный, но не может не понимать, что Тодаро оказывает ему неслыханную любезность, поскольку только что нарушил протокол, пригласив его подняться на борт, но никаких знаков благодарности не выражает. Тодаро приказывает мне сопроводить его вместе с парнем в офицерскую каюту и уходит. Подходит к Степовичу, так и лежащему возле орудия, велит двум матросам снести его тело вниз и исчезает в рубке.

Я прошу Бастино и Кардилло помочь мне исполнить приказ. Они рады-радехоньки расстаться с двумя неграми, которых вытащили из воды, подходят к молодому офицеру, берут его за руки и волокут в сторону рубки. Как он не похож на своего командира: даже в плачевном состоянии он излучает свет надежды, который пробирает сильнее холода. Я думаю: «Ara qua un tòso che «l conosse el vàlore déa vita»[33]. Знаком показываю его командиру двигаться передо мной, но к нему не притрагиваюсь. Он проходит мимо своих четверых моряков, превратившихся в ледышку, и даже не удостаивает их взглядом. Идет мимо матросов, выносящих тело Степовича, и даже их

[33] Примечания: 33
«Похоже, этот парниша знает цену жизни» (*венец.*).

не видит. Спускаемся вниз.

4 часа 15 минут

В офицерской каюте собрались, с одной стороны, Тодаро и Фратернале, а с другой — командир и Реклерк, укутанные в теплые военные шинели. Я стою за ними. Парень меня не беспокоит, но другой мне не нравится. В кармане жилета сжимаю рукоятку кинжала, которые Тодаро раздал нам перед отплытием. Ведь никогда не знаешь.

Тодаро разливает по рюмкам коньяк и угощает бельгийцев. Реклерк благодарит и глоточками вкушает аромат, обозначающий для него возвращение к жизни. Другой махом опрокидывает рюмку, не говоря ни слова. Тодаро просит парня перевести и обращается к командиру:

«Ваше имя?»

Тот понимает без перевода: «Фогельс».

«Éora el capìsse, el vècio: el gà dìto sòeo na paròea e el gà zà contà na bàea…»[34] Тодаро продолжает смотреть на него: «Корабли, идущие под нейтральным флагом, обязаны зажигать огни. Почему вы плыли с погашенным светом?»

Реклерк переводит. В ответ мы слышим един-

---

[34] Примечания: 34

«Понятливый старик, не успел сказать слово, а уже солгал…» (*венец.*)

ственное слово: «Поломка».

Тодаро кивает: «Понимаю. А почему открыли огонь?» Снова перевод, и снова односложный ответ: «Война».

Следующий вопрос серьезный: «Что за груз вы везли?. Parché xé tuto là»[35]. На этот раз по окончании перевода Фогельс не отвечает, стойко выдерживает взгляд Тодаро и молчит, как будто набрал в рот воды. Тодаро обменивается взглядом с Фратернале: это молчание — дороже золота и означает, что мы не зря потопили нейтральный корабль. «Ладно, — коротко отрезает Тодаро, — сейчас вопрос спасения — главное. Сколько шлюпок вы спустили на воду?»

Перевод. Ответ: «Две».

Тодаро снова кивает. Смотрит на Фратернале, на Реклерка. Смотрит на меня. Говорит: «К этому времени все остальные, должно быть, уже покойники».

6 часов 00 минут

Тодаро следует за Реклерком и Фогельсом к шлюпке. Потерпевшие кораблекрушение, вынутые из воды и укутанные в теплые одеяла, поднимаются наверх, выискивая себе местеч-

---

[35] Примечания: 35
«Ибо в этом все дело» (*венец.*).

ко, где бы расположиться. Тодаро обращается к Фогельсу: «Надеюсь, вы понимаете, что я не могу принять вас на борт, не так ли?» Реклерк переводит. Оба согласно кивают. Джиджино и Несчастный Бечьенцо раздают морякам на шлюпке тушенку, сгущенное молоко, галеты. С помощью Реклерка Тодаро обращается к Фогельсу: «У вас есть с собой карты, буссоль, компас?» Они у них есть. «Я снабжу вас запасом еды и питьевой водой. Мы находимся по курсу север 31° 80», запад 31° 30». Куда вы собираетесь двинуться?» — «На Мадейру».

Потемнев в лице, Тодаро всматривается в мрак горизонта, и я знаю, о чем он думает, он думает о том же, о чем думаю я: ea scorta inglese i gà sbandonà, no i li ciaparà indrìo[36]. Мадейра отсюда, наверно, в шестистах милях, если не больше. У капризной вдовы настроение снова изменилось, океан вспучился, поднялся пронзительный ветер, который кто знает, откуда дует. Мы с Тодаро одновременно смотрим на часы, сейчас ровно шесть. Отныне мы все делаем вместе, потому что мы снова думаем с ним одинаково или, точнее, как в данном случае, ничего не можем придумать.

---

[36] Примечания: 36

«Английский конвой их бросил, за ними никто не вернется» (*венец.*).

Что их ждет в конце, до нас обоих не доходит. Наконец, раздается его голос и заполняет пустоту словами, от которых me àssa a bòca vèrta[37]. «Держитесь курса и прислушивайтесь к морю, — говорит он. — Я отыщу вторую шлюпку и возьму вас на буксир. Обещаю».

Реклерк, не веря своим ушам, как и я, переводит Фогельсу слова командира. Потом говорит: «Благодарю», видя, что его капитан и на сей раз в своем репертуаре. Они забираются в шлюпку. Отдают швартовы. Шлюпка опасно раскачивается.

---

[37] Примечания: 37
«У меня отвисла челюсть» (*венец.*).

27. Реклерк

...посреди Атлантики, в дырявой, пропускающей воду шлюпке я смотрю на своих товарищей и вижу, что они все намного старше меня, «Кабало» не был военным судном, это был грузоперевозчик, весь его экипаж состоит из старых, усталых, выдохшихся моряков с грубыми, мозолистыми руками, безропотно готовых умереть, не чета тем молодым удалым итальянцам с потопившей нас подлодки, удаляющейся с шумом, с ее нелепым командиром, тоже, кстати, молодым, в коротких штанах и броне на торсе, выпирающей из-под майки, я спрашиваю Фогельса, что он думает о нем, тот отвечает мне с присвистом на фламандском, мне не нравятся люди с такой бородой, он был босиком, говорю я, в семейных трусах, говорит он, ну да, в семейных трусах, повторяю я, тем временем мы попиваем сгущенное молоко в банках под названием «Шарлеруа», как мой город, потом умолкаем, и дрожим от нестерпимого холода, и молчим, прилипая друг к другу, Фогельс опытный мореход, но он неотесан и груб, из Остенде, капитан, не способный поддержи-

вать моральный дух своих моряков, черт побери, давай-ка попробую я их рассмешить и немного согреть, и говорю по-французски, в Шарлеруа, когда я был маленьким, жил молочник, у которого была дочь вот с такенными сиськами, мой кузен говорил, что молочник продает молоко, которое по утрам сцеживает его дочь, и я ему верил, но на меня никто не обращает внимания, все как будто парализованы, цепляются за последнюю соломинку, лишь один говорит, Кодро́н, верзила с выпученными глазами и надувшейся жилой на лбу, ты, Реклерк, нам зубы не заговаривай, отвечает он на фламандском, не вернутся за нами эти фашисты, а ты откуда знаешь? спрашиваю я его, потому что они проклятые фашисты, отвечает он, так отчего же они не бросили нас в море, для чего спасли, пообещали вернуться? но он меня не слушает, ты веришь фашистам, Реклерк, повторяет он дважды, поднимается, не дождавшись моего ответа, и всей своей тяжестью протискивается сквозь живую стену тел, сбившихся на шлюпке, и проходит через их заслон на другую половину, подальше от меня, на корму, в тот час, когда ночь меркнет и вскоре наступит заря, и тогда я снова обращаюсь к Фогельсу, стараюсь задеть его побольней, англичане исчезли, мы перевозили их

самолеты, нас из-за них разбомбили, а они нас бросили здесь, потому что мы для них ничего не значим, однако Фогельс едва прищурил глаза и на этом закончил дискуссию, но я не унимаюсь и говорю, что слыхал в порту перед отплытием, будто мы вступаем в войну на их стороне, охотно хотелось бы верить, потому что я, ей-богу, не вижу причин, по которым мы перевозим их самолеты, и на этот раз Фогельс реагирует, поворачивается ко мне и смотрит, и я вижу географическую карту на его лице с горными рельефами морщин, его сверлящие глаза, каплю под носом, все кончено, Реклерк, подрочи напоследок, думая о дочери молочника, и да упокоится душа твоя в мире, но я не собираюсь сдаваться и говорю ему, что верю итальянскому командиру в семейных трусах, что он за нами вернется, но тот едва поводит бровью, а я настаиваю, говорю, что смотрел ему в глаза, что он немного чокнутый, это точно, соглашается Фогельс, уже полдень, или, может, нет, еще только раннее утро, или близится вечер, трудно что-то сказать, солнца не видно, день серый, океан такого же свинцового цвета, как и небо, сливаются вместе, собачий холод, на теле засохла соль, но я не сдаюсь и придумываю другую затею, остатками голоса провожу перекличку,

как в школе, чтобы знать, кто умер, и доказать другим, включая себя, что мы-то пока еще живы: Хендри, Дост, Ламменс, Ван дер Бремпт, Ритс, Кодрон, Хейнен, Десолей, Мбамба, фон Веттерн, но, во-первых, эта перекличка неполная, я не помню всех имен, а во-вторых, никто не отвечает, из чего следует вывод, что все они мертвы, но я вижу, что они живы, сидят передо мной, прижавшись друг к другу, как пингвины, только не отвечают и даже меня не слышат, Дост выбрасывает в море пустую пачку от печенья, у старика Ван дер Бремпта закончилась во фляге вода, Хендри крестится и молится, Ритс напустил в штаны, чувствуется по запаху мочи, только Ламменс и Мбамба подхватывают мою игру и отвечают «на месте», но еще есть те, кто не отвечает, поскольку попали в другую шлюпку, и что с ними сталось, одному Богу известно, вот банка из-под сгущенки медленно погружается в океанскую воду, легко представить, что и они погрузились точно так же и что то же самое неизбежно ждет нас…

28. Пома

Капюшон штормовки натирает шею, я ее не ношу, но сегодня я единственный, кто явился в штормовке. Все знают почему: почему я здесь, на лодке, а лейтенант Степович в гробу, покрыт итальянским флагом. Он погиб вместо меня. Командир знает, что я чувствую, когда я спросил у него, можно ли мне с нашим начальником похоронить его в море, он не ответил мне «нет», Пома, у тебя сломана рука, он сказал мне «да» и обнял, как когда-то обнимал лейтенанта. Сейчас командир открыл прощальную церемонию и говорит:

«У подводников нет надгробных плит и могильных крестов. Мы провожаем лейтенанта Данило Степовича, итальянца, погибшего героической смертью, нашими слезами и коралловым крестом. Кораллы любил и другой наш герой, моторист Винченцо Стумпо, ныряльщик за кораллами из Торре-дель-Греко, память о котором в наших сердцах не умрет».

Командир щелкает каблуками и отдает воинскую честь. Мы делаем то же самое. В тишине слышится только море, которое как будто раздает

пощечины, мы с командиром стрелкового отряда поднимаем тело, обернутое трехцветным флагом, и на вытянутых руках возносим его к небу как подношение Всевышнему. У меня хватает сил поднять его, но держать на сломанной руке — невыносимая боль, на что я рассчитывал, потому что теперь могу плакать от чего захочу.

Наступает очередь второго офицера, самого верующего, как и я, из всего экипажа, прочитать «Молитву моряка», написанную, как говорит он, Антонио Фогаццаро[38], понятия не имею, кто это такой, я закончил всего пять классов начальной школы, но все равно он тоже, наверное, великий.

«Пред тобой, всемогущий и вечный Владыка небес и бездны, которому покорны моря и ветры, мы, люди моря и войны, матросы и офицеры Италии с этого военного корабля нашей Родины исповедуемся в своих грехах и очищаем душу. Спаси и восславь в своей нерушимой вере нашу Отчизну. Воздай силу и славу нашему флагу, да помогут ему бурные волны и штормы; пусть опасается его враг; да встанут на его защиту наши

[38] Примечания: 38

Антонио Фогаццаро (Antonio Fogazzaro, 1842–1911) — известный итальянский писатель и поэт, «Молитва моряка» *(«Preghiera del marinaio», ит.)* была написана им в 1901 г.

железные груди, тверже металла, из которого создан Тобою этот корабль. Даруй ему вечную славу. Благослови, Господи, наши дома и наших близких. Благослови с наступлением ночи сон твоего народа, благослови и нас, стоящих с оружием на его защите. Аминь».

Мы с командиром стрелкового отряда мягко опускаем в море тело лейтенанта Степовича, обернутое в трехцветный флаг. «Мягко» означает для меня адскую боль, хотя наши и так все знают, почему я плачу, зарывшись с головой в капюшон штормовки.

Повар Джиджино, нарушив молчание, отправляет вслед за Степовичем его скрипку. Тело, подхваченное волнами, исчезает быстро, а вот скрипке требуется время, чтобы набраться воды и потонуть. Выброшенная волной, на настиле лодки валяется палочка, ею водят по струнам, извлекают звуки, из конского волоса, понятия не имею, как она называется.

29. Реклерк

…ан нет, такой конец нас не ждет, ибо тишину океана прорезает с подветренной стороны шум двигателя, он слышится все отчетливей, и вот уже нос итальянской подводной лодки устремляется прямо на нас, шум мотора становится оглушительным, но вскоре стихает, подлодка подходит к нам, итальянские матросы бросают нам тросы, на корме их командир с рупором в руках.

«Лейтенант Реклерк, — говорит он, обращаясь ко мне, — будьте добры, переведите своим соотечественникам, — я встаю, — другая ваша шлюпка с потерпевшими кораблекрушение была взята на борт пароходом, шедшим под флагом Панамы, — я перевожу, — других плавучих средств в зоне не обнаружено, — добавляет он, и я перевожу, — привяжите накрепко к шлюпке тросы, мы отбуксируем вас к азорскому острову Санта-Мария, крепитесь, и все будет хорошо», — говорит он, и мои товарищи ликуют, они не верят своим ушам, услышанное придает им надежды выжить, они накрепко закрепляют тросы на кнехтах шлюпки. За тридцать секунд этот человек при-

дал нам больше надежды, чем наш командир за двенадцать часов, он сказал, что вернется, и вернулся, посреди Атлантики, и вот он отчаливает, взяв нас на буксир, скользит по поверхности вод, океан разбушевался, штормит, лодке это нипочем, а шлюпка вот-вот, гляди, распадется, мы глотаем морскую воду, кашляем, вычерпываем воду, но мы пока еще живы, и вот уже наступает следующая ночь, черная, ледяная, мутная.

Внезапно на шлюпке срывается кнехт, устав за долгие часы буксировки, канат развязывается и, хлестнув по лицу Хейнена, соскальзывает в море, я переглядываюсь с Фогельсом, поскольку мы знаем, что за этим последует, и действительно, в считаные секунды из-за перегрузки, вызванной отвалившимся кнехтом, пошли отрываться другие, все разом, распустившиеся концы тросов бьют по лицам и тонут в воде, мы начинаем кричать, но крик свой слышим только мы, лодка, рыча, удаляется, уже затихает ее шум, она уже не видна, и мы, совершенно беспомощные, ждем откровения, ждем чуда, я вижу, как меня сверлит пылающий взгляд Кодрона с синюшным лицом.

«С нами будет то же, что с кнехтами, — говорит он, посинев от злости, — стоит одному уступить, и мы погибнем все», — говорит он так, как будто

это произойдет по моей вине.

Проходит много времени, слишком много, даже чересчур, и Фогельс смотрит на меня, он часами молчал, а теперь, обращаясь ко мне, говорит: «Ты по-прежнему веришь, что этот итальянец в семейных трусах вернется?», говорит враждебно, будто это моя вина, но верить — не вина, поэтому я отвечаю: «Да, я видел его лицо, и я ему верю», это молитва, исполнившаяся молитва, потому что слышится шум двигателя, подлодка возвращается и с нею спасение, и если раньше это была моя вина, то теперь это моя заслуга, вот она сближается с нами, бросают новые тросы, с помощью выскочивших кнехтов мы их привязываем к сиденьям, к форпику у форштевня, к уключинам и отбываем вслед за лодкой, Кодрон избегает моего взгляда, и Фогельс тоже молчит, но шлюпка привязана плохо, кренится, зачерпывает воду, того и гляди потонет, но возвращается заря, за нею день, сколько времени прошло, никто не представляет, а наш бедный челн плачет и стонет при каждом ударе волн, при каждом рывке канатов, он скончался, он нас не спасет, и внезапно он превращается в месиво, не распадается, а словно тает, превращаясь в обломки, обломки вместе с тросами оказываются в воде, а итальянцы

удаляются, снова исчезают во мгле, а мы вновь посреди океана, уже без надежды, итальянцы не могут взять нас на борт, а мы уже не в состоянии плыть, поэтому конец, мы сопротивлялись, мы верили, но теперь конец, сил бороться больше ни у кого нет, даже у меня, мы соляные столпы, мы души на покаянии, эта бездна нас знает, вот она проводит поименную перекличку: Хендри, Дост, Ламменс, Ван дер Бремпт, Ритс, Фогельс, Реклерк, и мы отвечаем «Здесь!», уже без голоса, без дыхания, мы боролись, но пора смириться и отдаться смерти, которую мы уже призываем, потому что с ее приходом мы перестанем страдать, закроем глаза, и наступит покой, мы умрем здесь, неведомо где, без могилы, без надгробной плиты, наши бедные кости будут обглоданы рыбами, и мы не вернемся прахом, как написано, а растворимся как этот челн…

Но, однако же, нет.

Среди волн, уже поглощавших нас, вновь возникает нос итальянской подлодки с командиром, стоящим на центральном посту. Этот титан решил поднять всех нас на борт. Он обещал, он выполняет слово. Его подлодка похожа на иглу, где он думает нас разместить?

30. Тодаро

Внимание, говорит командир подлодки. Прошу всех внимательно меня выслушать. Я обращаюсь сейчас не к военным, а к людям, и не просто к людям, а к морякам. Я отдаю себе отчет, что многие из вас к этому не готовы: одно дело — стрелять из океанских глубин, рисковать жизнью, чтобы сразить врага — с идеей жертвенности мы пошли воевать, не так ли? Но с какой стати мы должны выставляться и быть мишенью для вражеских истребителей, чтобы спасти неизвестных нам людей, по всей видимости, перевозивших под нейтральным флагом военное оборудование для британцев?

Но вопрос не только в том, чтобы спасти их и доставить на землю, вопрос в том, чтобы суметь в эти дни пережить невыносимые человеческие условия. Прошу лейтенанта Реклерка переводить мои слова: их должны понимать все.

Мы находимся в 310 милях от азорского острова Санта-Мария, ближайший и самый надежный порт, к которому мы направляемся для высадки потерпевших кораблекрушение, как того

требуют правила морской навигации. Лодка перегружена, двигаться со скоростью больше 6–7 узлов мы не сумеем, что означает — нам придется прожить в сложившейся ситуации почти двое суток. Хочу прояснить одно: принять на борт экипаж потерпевшего кораблекрушение корабля «Кабало» означает, что я нарушаю данные мне предписания: я полностью это осознаю и возлагаю всю ответственность на себя. Если по нашему возвращении командование не одобрит мое решение и я подам в отставку, то сейчас я еще командир, и я принял решение, которое никто не в силах отменить. Мы без страха и жалости губим вражеские суда, но человека — спасаем! Старший матрос Маньифико, если тебе повезет просочиться сквозь эту толпу, будь любезен, плесни коньяку тем, кто нуждается больше всех.

В ближайшие два дня жить будем следующим образом: трое раненых останутся в офицерской каюте, где они уже размещены, и трое из наших будут поочередно возле них находиться.

Я разделю свою каюту с командиром Фогельсом, а капитан Фратернале — с лейтенантом Реклерком.

Одну группу разместим в отсеке младшего офицерского состава, другую — на многоярусных

нарах, но, несмотря на нашу любезность, — надеюсь, Реклерк, вы переводите — туже всего придется нашим гостям.

Полдюжины могут с большими неудобствами разместиться на складе снастей…

Трое, с еще бóльшими неудобствами, в запасном туалете, сейчас, благо, сломанном…

Пятеро на кухне, стоя…

Оставшимся придется ютиться на поверхности лодки. Это чудовищное место, которое заливает вода, даже когда мы идем на поверхности. Но другого места нет.

Под контролем командира Фогельса каждые три часа будет проводиться ротация, каждый в равной доле принесет себя в жертву. Всем должно быть ясно, что в случае вражеской атаки эта лодка уйдет под воду для безопасности своего экипажа. Если подобное случится, находящиеся на поверхности лодки не выживут.

Слова, которыми я хочу закончить свое обращение, сказаны не мной, а японским императором Муцухито.

Он произнес их в начале Русско-японской войны 1904 года: «Пусть жизнь течет, как текла, пусть каждый делает то, что должен».

И японцы с легкостью выиграли ту войну.

У меня все.

31. Маркон

17 октября 1940 года
12 часов 00 минут
280 миль до Санта-Марии

Запах на лодке у нас изменился. Сейчас нас здесь семьдесят пять. Воняет скотобойней, солью, потом. Запах машинного масла гораздо приятней.

Фогельс спит на койке Тодаро. Реклерк занимает койку Фратернале. Джиджино и Несчастный Бечьенцо моют посуду, едва передвигаясь в камбузе, забитом толпою.

Нескончаемая очередь в единственный гальюн.

Несчастные на поверхности лодки промокли до нитки.

Выходит следующая порция людей.

Подлодка режет волны Атлантики под свинцовым небом.

17 октября 1940 года
21 час 00 минут
220 миль до Санта-Марии

Спустилась следующая ночь, а Джиджино все еще стряпает. Тодаро абсолютно спокойный, беседует с лейтенантом Реклерком, мне все слышно из-за переборки.

«Откуда вы так хорошо знаете итальянский?!»

«Я изучал классическую филологию, знаю древнегреческий, латынь и итальянский».

«Даже древнегреческий?»

«Я один из семи лучших бельгийских античников, перевожу без словаря».

«Ого! А как получилось, что вы оказались во флоте?»

«Это длинная история…»

Один из семи лучших бельгийских античников: кто знает, что это значит. Тодаро угощает его сигаретой, и они не спеша удаляются.

18 октября 1940 года
1 час 15 минут
190 миль до Санта-Марии

Слегка передохну на койке в отсеке младшего командного состава, не спал всю прошлую ночь и весь день, волновался за парней, растерянных и беспокойных. Тодаро усматривает в них открытый склад ума, которого у многих нету. Делить с врагом небольшое жизненное пространство,

обращаться с ними на равных и отказываться от своих привилегий в пользу потерпевших кораблекрушение: они не были к этому готовы, их нервы оголены, потому что это — враги, они в нас стреляли, они убили Степовича. Несмотря на речь, которую Тодаро произнес по корабельному радио, многие не могут понять, для чего нужна эта жертва.

18 октября 1940 года
6 часов 00 минут
165 миль до Санта-Марии

Фогельс ест. Кто-то блюет. Очередь в туалет — это чистилище. Куда ни кинешь взгляд — тело на теле. Итальянцев не только не отличишь от бельгийцев, тут не поймешь, где начинается одно тело и заканчивается другое. Котелки с едой передают из рук в руки. День смешивается с ночью. Обессилевшие матросы спят стоя, как лошади, один сидит на сломанном унитазе, другие притиснулись друг к другу. Спрессовавшиеся на складе снастей пыхтят и потеют, «Каппеллини» задыхается от зловония. Он плывет по поверхности, всем видимый, беззащитный. Мы настороже, часовые прочесывают небо, Миннити не покидает гидрофон, Скьясси — радиорубку, все

думают об одном и том же: если англичане нас заметят, а мы не уйдем под воду, они нас потопят в два счета. Но погрузиться мы не можем из-за потерпевших кораблекрушение, находящихся на поверхности лодки.

Тодаро в своей каюте с обнаженной грудью и сверкающим панцирем, в позе йога, глаза закрыты. Единственный, кто спокоен, это, по-моему, он.

`

32. Кодрон

Я и сейчас себя чувствую сильным, смелым и непримиримым. Вокруг обессилевшие тела. Где итальянцы, где бельгийцы, кроме как по речи, не разберешь. Я ненавижу итальянцев. Ненавижу фашистов, а итальянцы — фашисты. В этом сломанном нужнике, набитом телами, как на скотобойне, я ищу пару знакомых мне глаз, смотрю в них вопросительно, подстрекаю. Это глаза фон Веттерна, еще одного, кто ненавидит фашистов потому, что у него жена еврейка.

«Эти сучьи дети, фашисты, — говорю я, — воздадим им по заслугам». Итальянцы все равно не понимают, наши слова пролетают мимо этой свалки мяса, не встречая препятствий.

Фон Веттерн покрупнее меня, руки у него как две лопаты. «У этих фашистов размягчение костей, я расшибу их своими руками».

«Фашистские выблядки», — поддерживаю я, но неожиданно замечаю, что эта срань нас понимает, еще бы, слово «фашист» звучит одинаково на всех языках.

Двое из них, стоящих рядом, но настолько

рядом, что непонятно, где заканчиваемся мы и начинаются они, смотрят на нас вопросительно, видимо, что-то заподозрили. Времени больше терять нельзя, пора действовать. Я ободряю фон Веттерна кличем: «На корму! К генератору!» И бросаюсь на эту гору мяса, прокладываю себе путь ударами головы. Фашисты такого не ожидали, растерялись, не знают, что делать.

Фон Веттерн действует, как дробильная машина — сворачивает шеи, расшибает носы.

`

33. Чезари

Нет, ей-богу, этого нельзя ни понять, ни тем более объяснить, разве что только нашей усталостью, но эти двое одержимых дошли до аппаратной, и по дороге их никто не остановил. Мы тоже — я, Не́гри, Фели`чи и Цу́ккаро — тоже вначале не поняли, стояли как в ступоре, пока эти двое безумцев бросались на генератор и непонятно зачем обрывали провода. Генератор занимает целую каюту. Это — сердце подводной лодки. Устроить здесь бардак, пару раз по нему стукнуть, и мы немедленно отправимся на дно. У нас были с собой кинжалы, мы выхватили их и приставили к горлу безумцев. Они наложили в штаны и угомонились. Ага, вам сейчас страшно, подонки? Не хотите поблагодарить, что мы спасли вам жизнь? Нас четверо, мы их удерживаем, хотя эти дядьки тяжелые, но у нас есть оружие. Мы их удерживаем, но я вижу, что у Феличи и Цуккаро из носу идет кровь, а я на руку скор, об этом знают все в Римини, я сумасшедший, об этом тоже известно всем. Но я вызываю офицеров, я — дисциплинированный, вызываю командира, как полагается

по уставу. Командир прибывает немедленно, с ним старший помощник, второй офицер и Манчини, наш начальник. Пришли и другие офицеры, целая процессия, но в каюту не вместились. Проник туда Муларджа, канонир, он маленького роста. Мы с Феличи держим кинжалы у горла этих подонков, а Негри и Цуккаро прижимают их к генератору. Они наконец перестали дергаться, тем лучше для них, иначе можно пощекотать ножиком, хотя здесь присутствует командир, но я парень горячий. Один из двоих, тот, у которого шевелюра, как старая швабра, смотрит на командира и что-то ему кричит, из понятных слов только «фашист». Ну, сейчас командир тебе вставит, думаю я, но тот оставляет без внимания слова придурка и спрашивает меня: «Они причинили серьезный ущерб?» Я отвечаю, что оборвали много проводов, но насколько серьезно навредили, пока затрудняюсь сказать. Командир кивает, сжимает пальцы и наносит удар локтем в живот одного из двух одержимых. Канонир Муларджа, сжав кинжал, первый спрашивает то, о чем мы все сейчас думаем: «Командир, отправим их к рыбам?» Командир поднимает руку, вроде чтобы нас унять, но оказалось, что это был еще один удар — в челюсть.

34. Тодаро

Рина, дорогая моя, сегодня я совершил акт милосердия. После Ступо и Степовича я не намерен выбрасывать в море человеческие тела, поэтому тем двум бесноватым бунтовщикам вместо законного наказания я преподнес отцовский урок. Одному врезал в брюхо и свалил на землю, другому ребром ладони ударил в челюсть, но он здоровей, покачнулся, но не свалился. Но, несмотря на силу моих ударов, они, говоря по совести, заслужили большего.

Я знал, что часть моего экипажа не одобряет моего решения спасти потерпевших кораблекрушение, они испытывают к ним нетерпимость, чтобы не сказать враждебность. Я упускал случай вернуть себе всеобщее доверие, вышвырнув двух неблагодарных в море, откуда мы их вытащили. Но прежде я посмотрел им в глаза — там была боль безумия. И я сжалился.

Вызвал двух офицеров с «Кабало», молодого попросил переводить товарищу и бельгийцам, перемешавшимся с моими матросами, и приказал всем на корабле, и итальянцам, и бельгийцам,

наградить пощечиной это человеческое отродье, едва не потопившее нас всех. Мы не выбросим их в море, но наградим пощечинами — наказанием отцов. Они получат столько оплеух, что воспоминание о кораблекрушении будет казаться им слаще меда. Но сколько бы риторики я ни вкладывал в свои слова, Рина, это была жалость и такою казалась, мои воины поняли это с лету. Недовольные так и остались недовольными.

Это что касается слов, но есть еще действия, и я очень рассчитываю, Рина, восполнить ими часть утраченного доверия.

Первый, к кому я обратился, был командир «Кабало». Человек немногословный и грубый, именно такой, каким ты представляешь, должен быть капитан бельгийского торгового судна: полная противоположность своему помощнику, воспитанному, образованному и разговорчивому парню. Итак, я обратился вначале к его командиру. Человека зовут Фогельс, он оказал мне большую услугу, поскольку не испытывает ни капли жалости ни к одному из своих. Он, не колеблясь, подошел к первому бунтовщику и врезал ему впечатляющую пощечину. То же самое проделал со вторым, а потом вернулся к первому, затем снова ко второму, рыча от злости

по-фламандски. Лейтенант мне перевел: «Три раза! — кричал он. — Три раза эти люди возвращались, чтобы нас спасти! Три раза!» Казалось, он потерял над собою контроль, но, влепив каждому по третьей оплеухе, отошел в сторону, уступив место другим.

Каждый подходил и, словно как в ритуале, наносил пощечину; десятки рук прошлись по этим лицам, которые меняли цвет и очищали своею кровью предательский и бесчестный поступок. По сути, Рина, это был ритуал. Ибо эта кровь была следствием моей жалости, но каждый, приложив свою руку, превращал ее во всеобщую жалость. Поэтому мы однажды не совершили бесчеловечный поступок по законам военного времени, мы не совершили его и тогда, когда двое этих отщепенцев его заслуживали.

35. Маркон

18 октября 1940 года
8 часов 30 минут
150 миль до Санта-Марии

Тодаро заполняет бортовой журнал. Я сижу рядом в его каюте. Отчет сухой, он не упоминает попытки бунта. Впервые за два дня нам удалось оказаться наедине, отгородившись запертой дверью от живодерни, в которую мы превратились. Пользуюсь случаем, чтобы поговорить с ним наедине, поскольку я серьезно обеспокоен, поэтому перехожу на диалект: за переборкой из тонкой стали все слышно. «No te ghè scrìto ea ròba più importante, Salvatór»[39], — говорю я ему. «Сотвори благо и забудь об этом», — отвечает он мне по-итальянски. «Sì ma i tosi xé spiritai. I fà un sacrìfisio gràndo e sti stròsi i sérca de copàrli»[40]. Тодаро отрывает глаза от журнала и смотрит на меня в упор. «Не все, Витторио. Всего лишь *двое*

---

[39] Примечания: 39

«Ты не написал одну важную вещь, Сальватор» (*венец.*).

[40] Примечания: 40

«Да, но наши мужики озверели. Они приносят жертву, а их пытаются убить» (*венец.*).

подонков. Два психопата. Ты сам наблюдал, как отметелил их командир. Видел, с каким презрением смотрели на них товарищи, уступившие им свое место, когда их вывели наружу».

Он продолжает говорить по-итальянски, не боится, что снаружи нас могут подслушивать, кажется, наоборот, он этого всячески хочет. Но я продолжаю по-венециански: «Pàr tanto, vùto «ndare vànti con sta matàna, anca dopo quel che zé capità?»[41]. «Да, — отвечает он твердо. — Я собираюсь высадить этих людей в ближайшем и надежном порту». Он говорит с привычным спокойствием, как будто не понимает, в чем состоит проблема, либо отметает ее. «E se incontrémo i inglesi? Se se i catémo davanti, vùto continuar a navegàr in emersiòn?»[42] «Да. Если мы погрузимся, люди, стоящие на лодке, погибнут, и лодка превратится в братскую могилу». «E se no se bùtemo drénto, i ne fònda iòri»[43]. «Этого не случится». Его ничем не переубедишь: бездна спокойствия, про-

[41] Примечания: 41

«Значит, ты собираешься продолжить это безумие и после того, что случилось?» (*венец.*)

[42] Примечания: 42

«А если мы столкнемся с англичанами? Если такое произойдет, ты тоже будешь плыть по поверхности?» (*венец.*)

[43] Примечания: 43

«Но если мы не погрузимся сами, нам помогут» (*венец.*).

тягивает руку и гладит рубцы на моем лице, будто изрытом воронками. «Fìdate de mi»[44], — говорит он. Я пользуюсь диалектом из предосторожности, он — чтобы выразить свои чувства: разница в этом. Вдруг он подносит палец к губам, просит помолчать, бесшумно подходит к двери в каюту и резко открывает ее. С другой стороны — Муларджа, застигнутый врасплох. Он явно смущен. Тодаро не обращает внимания и смеется:

«Положитесь все на меня!» — говорит он по-итальянски.

[44] Примечания: 44
«Положись на меня» (*венец.*).

36. Муларджа

Ну да, я подслушивал. Но я пришел не подслушивать, а с другой целью. Хотя, по-честному, прежде чем постучать, решил послушать, о чем между собой говорят командир и старпом, его приятель. Точнее, что говорит командир, поскольку старпом изъясняется по-венециански, и я не понимаю ни бельмеса. Минуты на две приложил ухо к двери, там была такая давка, что никто все равно не заметил. Я не учел, что наш командир — маг Баку, и был пойман. Он не сделал мне выговор, а я прикинулся, будто ничего и не было, и говорю: «Командир, вас не затруднит выйти со мной на минутку?» Мне пока не удалось обратиться к нему на «ты», я вспоминаю об этом преимуществе, когда уже поздно, и я уже обратился к нему на «вы». Он ни о чем не спросил, кивнул, и мы двинулись вместе, я спереди, он — сзади, пробиваясь сквозь нагромождения тел, которыми забит весь «Каппеллини». Мы поднялись по лесенке и вышли наружу. День только занимался, было холодно. «Ну, что у тебя? — спросил он. — Чего ты хочешь?» В рубке

появился старпом, я бы предпочел обойтись без него. «Вахтенные передают, что у нас на корме англичане», — сказал я ему. «Ты уверен, что это англичане, — спрашивает он, — ты их видел?» Я отвечаю, что нет, меня лишь послали с известием, я подумал сообщить ему об этом с большой осторожностью, поскольку у меня есть мысль, которую я хотел бы ему изложить… Но командир меня уже не слушает, перепрыгнул на лестницу и устремляется к высокой рубке, где все пространство забито потерпевшими кораблекрушение и двумя вахтенными, Моранди и Сирагузой. Пробиться к нему непросто, старпом отказывается от этой мысли, я же ухитряюсь пробраться, чуть не касаясь двух предателей, которых мы отдубасили будьте-нате: мы их спасли, а сами живем по-свински.

Командир стоит рядом с Моранди, вахтенный показывает ему через бойницу точку на горизонте, которую я не вижу. Командир смотрит в бинокль: «Это ведь англичане?» — спрашивает он у Моранди. В эту минуту один из кораблей открывает огонь. Он еще далеко от нас, и снаряд взрывается на полпути.

«Это — англичане», — говорит командир и исчезает. Снова, чтобы выбраться отсюда, надо

пройти, касаясь тел этих предателей, покрытых засохшей кровью, соплями и по́том, и испепеляющим взглядом смотреть в их бесстыжие глаза. Пробившись на центральный пост, я не вижу старпома. Тогда не теряя времени я кладу на плечо командира руку, останавливаю его и излагаю свою мысль. Я понимаю, сейчас не лучший момент, но второй залп, пущенный по нам и тоже не долетевший, доказывает, что не я выбираю время. «Командир, — говорю, — послушайте меня, если на поверхности лодки не будет бельгийцев, то и проблема решена. Тогда мы сможем погрузиться». Он странно смотрит на меня, видимо, не понял. «Мертвые не тонут», — поясняю я и для ясности провожу указательным пальцем по горлу.

Мимо.

Взгляд его окаменел. Я, конечно, придурок, с ним не так надо было говорить, а помягче, показать на пальцах, что мысль моя предполагает меньше жертв, чем семьдесят пять человек на подводной лодке, которую противник пустит ко дну. Но я побоялся и сказал это так, что сам испугался. Командир даже не отвечает, разворачивается и уходит в рубку. И тем не менее это единственное решение, которое остается…

37. Маркон

18 октября 1940 года
9 часов 40 минут

Тодаро входит в командную рубку. Нам уже всем известно, что у нас на пути английский военный конвой. Канонады слышны отчетливо, но он спокоен и невозмутим. Следом за ним появляется Муларджа, будто ставший его адъютантом. Фратернале растерян, мы все растеряны, но он — второй офицер, ему и слово. Он набирается духу и говорит: «Надо погружаться, командир». Тодаро игнорирует сказанное и отдает приказ рулевому сбросить скорость до трех узлов. Фратернале пытается настаивать: «Ради всего святого, командир, надо погружаться!» Но он не в состоянии выдержать взгляда, когда Тодаро поворачивается и пристально смотрит на него: «Нет, — говорит он категорически. — Подождем». Сейчас Фратернале смотрит на меня. Смотрят и другие офицеры — Габриелли, Бурсич, Паче, Лезен. Учитывая их звания и то, как они смотрят, — это должно означать приказ, но я в приказах дока, я получал их миллионы, а эти взгляды не приказ: это мольба

или, точнее, молитва. Скажи ему ты, Маркон, ведь вы были ранены вместе (так здесь думают все, но это неправда), ты его друг, входишь к нему и выходишь, когда захочешь, разговариваешь с ним на диалекте, на котором мы ничего не понимаем, скажи ему ты, Маркон, умоляем тебя, нам не хочется умирать. Но умолять меня незачем, я сам не хочу умирать: «Ma còxa, spetémo? Che niàltri rivémo a tiro? Che i inglesi ì ne méta na bomba in pança? Liberémose de sta xénte, Salvatór! Ì gà çercà de sabotar el batèlo! I gavemo salvà e ì ne voleva far fuòra!»[45]

Тодаро удивлен моим пылом, но я собираюсь стать ему поперек дороги, и он это понимает, но не меняет ни язык, ни решение. «Нет. Мы сообщим англичанам, что везем потерпевших кораблекрушение. Они нас пропустят». Изрек и покинул командный пункт, пробираясь сквозь стену тел, образовавшуюся здесь в мгновенье ока. Он по-прежнему спокоен и владеет собой. Я иду вслед за ним и перечу: «Ma i no ne crederà,

[45] Примечания: 45

«Чего пождем? Когда подойдем на расстояние выстрела? Когда англичане засадят в нас бомбу? Давай избавляться от этих людей, Сальватор! Они собирались потопить корабль. Мы их спасли, а они хотели нашей смерти!» (*венец.*)

Salvatór!»[46]

«Поверят».

«Ma perché i dovarìa crederne?»[47]

Дойдя до радиорубки Скьясси, он останавливается и, оказывая мне честь, отвечает по-венециански: «Perché xé ea verità»[48].

«E inveçe no, no ì ne crederà mai! Ì xé drìo sbaràrne indòso!»[49].

«Ì ne sbara indòso perché no ì sa. Dès ì savrà»[50].

Потом поворачивается к Скьясси: «Дай мне». Радист снимает наушники и передает их вместе с микрофоном, в который Тодаро начинает немедленно говорить: «Говорит командир подводной лодки Итальянского Королевского флота Сальваторе Тодаро. Мы перевозим…», но я его перебиваю, канонада все ближе, а Тодаро, мне кажется, сошел с ума: «Что ты делаешь, ты с ними говоришь по-итальянски?» — кричу я ему и по-

---

[46] Примечания: 46
«Они нам не поверят, Сальватор!» (*венец.*)

[47] Примечания: 47
«С какой стати они должны поверить?» (*венец.*)

[48] Примечания: 48
«Потому что это правда» (*венец.*).

[49] Примечания: 49
«Ты ошибаешься. Они стреляют в нас прямой наводкой» (*венец.*).

[50] Примечания: 50
«Стреляют, потому что не знают. А сейчас я им сообщу» (*венец.*).

казываю на Скьясси: «Пусть он по крайней мере поговорит по-английски!»

Нет, Тодаро не сошел с ума, это мы, в крайнем случае, рехнулись от страха. Он не сошел с ума, он по-прежнему терпелив и спокоен, и вместо того, чтобы посадить меня под арест, он удостаивает меня чести ответа: «Ì capìxe benìsimo el tagliàn, Vitòrio. Gavemo da far parlàr i sardi in dialèto pàr no farse intènder!»[51]

Пока Тодаро упоминает распоряжения, полученные нами на сардинском, в радиорубку входит Муларджа с забинтованным лбом, смотрит на меня и непонятно почему улыбается — английские залпы все сильней, и скоро нас прихлопнут. Тодаро снова берет микрофон: «Говорит командир подводной лодки Итальянского Королевского флота Сальваторе Тодаро. Мы перевозим двадцать шесть потерпевших кораблекрушение с бельгийского корабля «Кабало», который мы разбили три дня назад в позиции Норд 31° 80» Вест 31° 36». Просим прекратить огонь для высадки потерпевших кораблекрушение на азорском острове Санта-Мария, куда мы планируем прибыть…»

---

[51] Примечания: 51

«Они прекрасно понимают по-итальянски, Витторио. Чтобы они нас не понимали, мы, как ты помнишь, используем сардинский!» (*венец.*)

На сей раз его перебивает Муларджа с той же нелепой улыбкой, отпечатавшейся на лице, не подобающей напряженности момента: «Господин командир, — говорит он, — не беспокойтесь. Я все улажу». У Тодаро меняется выражение лица, он охвачен тревогой, а канонир в это время, словно мышонок, исчезает в свалке человеческих тел. «Ты куда, Муларджа? — кричит Тодаро, но того и след простыл. — Ети твою… — выругался Тодаро по-венециански. — Остановите машины!» — приказывает он и, ко всеобщему удивлению, бросается вдогонку за кананиром. Его приказ повторяют вахтенные, пока он не доходит до начальника машинного отделения, и двигатели «Каппеллини» глохнут.

38. Муларджа

С кинжалом в зубах я, как Каммамури[52], взбираюсь по лесенке, ведущей наверх. Я могу успеть, я прыткий, а сейчас должен приложить всю свою прыть. Снизу, как из воронки, доносится голос преследующего меня командира: «Муларджа, ради всего святого!»

Выхожу наружу, море вспучилось еще больше, поверхность лодки мокрая, я поскальзываюсь, падаю, ударяюсь коленом, чувствую пронзительную боль, пару секунд отлеживаюсь, и, когда собираюсь подняться, чья-то рука хватает меня за лодыжку и тащит вниз.

«Муларджа, остановись!»

Несмотря на сковывающую его броню, командир меня догоняет и затаскивает к себе на центральный пост, который заливают волны. «Каппеллини» не движется, болтается на волнах, кренится то в одну, то в другую сторону, то клюет носом. Вдали вспышки залпов и совсем вблизи от нас столбы воды, которую поднимают за нашей

---

[52] Примечания: 52

Каммамури — верный слуга и друг героя романа «Тайны черных джунглей» (1895) итальянского писателя Эмилио Сальгари.

кормой английские бомбы. Делаю вид, что сопротивляюсь телу, прижимающему меня к настилу, но на самом деле я уже сдался. Будь распластавшийся на мне врагом, я бы пырнул его ножом, но это мой командир, он сам дал мне этот кинжал, поэтому я разжимаю руку, и он выпадает.

«Что ты собираешься сделать, Муларджа? — спрашивает он отеческим голосом, он на меня не сердит. — Ну же, что ты собираешься сделать?»

«Командир, я всего лишь хотел помочь, — отвечаю я. — Я-то понимаю, вы себе этого позволить не можете, но я — могу. И знаю, как это делать, где резать, чтобы жертва не очень страдала. Deu pungiu beni…»[53]

Бомбы сыплются все ближе и ближе. Командир меня обнимает, скорей чтоб прикрыть, чем придавить. Я говорю тихим голосом, словно выпрашиваю: «Так хотя бы мы могли выжить. И вы, командир, могли бы выжить, у вас есть семья, жили бы со спокойной и чистой совестью…»

На фоне свинцового неба вырисовались лица: Маркон, Чеккини, Леандри, Нучиферо… Если бы командир догонял меня с их скоростью, мы бы сейчас уже погрузились.

---

[53] Примечания: 53
«Я в этом деле артист» (*сард.*).

«Муларджа, — говорит командир, — ты, часом, не забыл, что я тебя наградил? Попрошу обращаться ко мне на “ты”».

В грохоте канонады голос его едва слышен. Мы тут готовимся погибнуть, а он продолжает меня обнимать, лежа на мокром командном посту, заламывает мне руки, словно мы пацаны на лугу, решившие помериться силами. «Мы будем все живы, — говорит он и ослабляет хватку, с какой прижимает меня к настилу. — Ты только должен верить своему командиру».

Взрывы, столбы воды, брызги: он говорит, а взгляд его теряется в этом апокалипсисе. Взгляд человека, готового умереть.

«Пошли со мной вниз».

Я иду. Раньше нет, а сейчас и я готов.

39. Командир английского конвоя

...этот итальянец разговаривающий со мной по-итальянски просит не стрелять в него в разгар войны просит остановить войну практически предлагает перемирие между нами между мной и собой немедленно посреди океана наперекор нашему начальству чтобы как он говорит спасти жизнь двадцати шести моряков ни наших ни их ни даже военных перевозивших я это доподлинно знаю наши ударные самолеты под нейтральным бельгийским флагом но вопрос вступления Бельгии в войну на нашей стороне это вопрос считаных дней следовательно у меня нет даже повода скрывать от начальства ту помощь которую он нам оказывает но если я не соглашусь и продолжу атаку пока его не потоплю он может пустить по нам свои сатанинские торпеды нанесет неисчислимый ущерб и погубит сотни наших но предположим в полный разгар войны я поверю этому итальянцу разговаривающему со мной по-итальянски и приму 24-часовое перемирие которое он запрашивает чтобы выса-

дить на Азорах потерпевших кораблекрушение так и сказал потерпевших кораблекрушение не пленников не выживших а именно людей потерпевших кораблекрушение я как-нибудь понимаю по-итальянски читаю Данте Петрарку стихи Микеланджело *бегите влюбленные огня любви страшитесь*[54] он сказал потерпевших кораблекрушение а потерпевшие кораблекрушение священны и ежели я приму его перемирие и дам пройти его подводной лодке и те двадцать шесть человеческих жизней которыми он не захотел пожертвовать будут спасены потому что и я не хочу ими жертвовать я не стану в будущем раскаиваться в своем поступке разве что тут может быть трюк но если бы он собирался нас атаковать то почему тогда плыл по поверхности и был прекрасной мишенью для наших орудий когда гораздо проще было бы уйти под воду внезапно вынырнуть и отправить нас вслед за «*Славой Британии*» уже два месяца как потопленной ими в Атлантике или за «*Хартумом*» разбитым четыре месяца назад в Красном море страшный кошмар эти подлодки выскакивают внезапно из воды но этому итальянцу нет смысла плыть

[54] Примечания: 54
Микеланджело. Стихи, 27 (*Michelangelo. Rime, 27: Fuggite, amanti*).

по поверхности и не воспользоваться моментом внезапности а тут между тем все ждут моего приказа мои короткостриженые офицеры мой радист с наушниками на шее и тот итальянец тоже ждет он не стреляет хотя мы находимся на расстоянии плевка, но он не стреляет это я продолжаю стрелять а этот парень молчит он вышел из войны и всего лишь пытается спасти человеческие жизни то есть самое поразительное что может сделать моряк и чтобы это осуществить он должен был довериться мне и он это сделал сейчас моя очередь довериться ему и я черт побери ему доверяюсь я тоже выхожу из войны ибо на войне нельзя воевать в одиночку я доверяюсь ему и приказываю прекратить огонь и пока мой приказ передают по цепочке и пушки смолкают я чувствую такую уверенность какую невозможно почувствовать на войне да я никогда не раскаюсь в своем решении и приказываю конвою разомкнуться на несколько кабельтовых чтобы дать пройти этому сумасшедшему, который разговаривает со мной по-итальянски на языке сумасшедших людей и прогудеть в его честь когда он будет проходить салютуя ему флагами потому что и я сегодня не в себе я тоже точно помешанный война приостановлена его подлодка священна.

Cease fire[55].

[55] Примечания: 55
Стой, прекратить огонь! (*англ.*)

40. Тодаро

Дорогая Рина, сегодня счастливый день. Бывает варварский героизм, но бывает и такой, перед которым душа начинает рыдать: солдат-победитель не стоит и ломаного гроша, если не преклоняется перед побежденным. Сегодня счастливый день — мы и наши враги сегодня спаслись.

41. Джиджино

Командир вошел в камбуз в сопровождении старпома и молодого бельгийского офицера, того, который говорит по-итальянски лучше меня. Я не представляю, как они добрались из командного пункта, когда тут в каждом углу отмечают праздник — англичане разрешили нам пройти. Я даже не представляю, как им удалось попасть в камбуз, где нас и без того было как селедок в бочке, я их просто увидел, и все. Я и сам был вне себя от радости, потому что я тоже думал, что командир ведет нас на верную смерть ради красивого жеста, но он, как всегда, оказался прав. Я этому радовался даже больше, чем тому, что остался жив. В общем, я их увидел в камбузе, и командир спрашивает у бельгийца, какое у них самое вкусное блюдо. Тот от ответа ушел, не ожидал, наверное, такого вопроса, но командир переспросил: «Так что же едят вкусного в Бельгии?» Тот ответил, но сказал странную вещь в смысле ее неожиданности: «Жареную картошку».

Все итальянцы, включая командира, рухнули со смеху: «Жареную картошку? Вы шутите, лей-

тенант?» Но бельгиец ответил, что это и есть их национальное блюдо, что это их изобретение: жареная картошка. Тогда командир посмотрел на меня, мол, что мне известно по этому поводу, и я ему ответил, господин командир, с вашего позволения, никогда не слышал, а сам лихорадочно перебираю в голове, какие блюда с картошкой я могу приготовить, картофельный гратен, картофельные крокеты, печеная картошка, картошка слоенная с помидорами, картофель по-сардински, картофель по-баварски с начинкой, картошка вареная, картошка тушеная, картошка со свининой, картошка с укропом, картофельное пюре, картофель с пармезаном, картофель, печенный на костре, молодой запеченный картофель, картофель по-лионски с луком, и самое жареное, что есть из картошки, это — картофельный пирог, и потом я подумал о других жареных блюдах: фаршированная запеченная паста, пышки, пирожки с колбасной начинкой, запеченные персики, крем-брюле, рисовые пончики, жареные «бомбы», гренки, гренки с рикоттой, медом, артишоками, майораном, запеканка из манной крупы, запеканка из поленты, жареная свиная печень, бараньи яйца во фритюре, шашлыки по-болонски, шашлыки по-римски, креветки

во фритюре, жареный петух, барашек, кролик, жареные котлеты, жареные телячьи молоки, жареные мозги, артишоки во фритюре, морковь во фритюре, кабачки во фритюре, тыквенные цветы во фритюре, жареные грибы, крокеты по-всякому, даже картофельные крокеты, но тут речь идет совсем о другом, об изобретении, я сразу смекнул, что это — простое и гениальное изобретение, то есть основа всей итальянской кухни, которую я изучал с таким рвением, и то, что об этом изобретении не подумали мы, итальянцы, это стыд и позор, anzi, ca nun c'avissimo penzato nuje napuletani, ca friggimm tutte cose ca ce stann, era na vergogna[56]. Это нелепость, это абсурд, мы позволили это сделать бельгийцам. Это как если бы мы забыли изобрести пиццу, а потом приходит турок и говорит: «Я изобрел пиццу». Я еще не знал, как готовится жареная картошка, но уже предвкушал, что это — изыск. Командир тоже понял, что в этой жареной картошке заключено что-то грандиозное, и решил, что мы обязательно должны ее попробовать, свел меня с бельгийцем, чтобы тот мне рассказал, как ее готовить. Он мне сказал, что они готовят на говяжьем жире,

[56] Примечания: 56

«А особенно стыдно должно быть нам, неаполитанцам, которые жарят все, что под руку попадет» (*неап.*).

а я его научил, что говяжий жир по-итальянски называется «sego», хотя мы его не используем, потому что жарим все на свином жире, который по-итальянски называется «strutto». Лейтенант потом показал, как следует нарезать картошку, и тут оказался сюрприз: ее нарезают брусочками. Он мне сказал, что на каждой кухне в их в стране есть картофелерезка, как у нас мясорубка, которая нарезает картошку на брусочки; короче, мы с Несчастным Бечьенцо выгребли все остатки картошки, принялись ее чистить и нарезать на брусочки, а вокруг нас все смотрели: бельгийцы, которые поняли, чем их накормят, и итальянцы, которые об этой картошке представления не имели.

Жарить для меня легче всего, я мастер по панировке и фритюрам, но это и в самом деле — изобретение, поскольку брусочки картошки кидаются на сковородку в девственном виде, без панировочных сухарей, без муки, скажите мне, кто у нас так жарит?

Вот это, я понимаю, смелый народ, который придумывает такое простое и бедное блюдо. Это гениальный народ, подумал я, отведав для пробы, если он изобретает жареную картошку такой вкусноты. Когда мы начали раздавать ее,

на «Каппеллини» установилось молчание, как всегда в торжественных случаях — итальянцы обалдели, а бельгийцы почувствовали себя дома.

Командир был не просто прав, поступать справедливо даже на войне — это ведь как вдохновение, которое может посетить и противника, и мы сразу же были вознаграждены, потому что эта жареная картошка — такая немудреная, бедняцкая и до того вкусная, что может даже просвещать умы, мало-помалу опускалась бы на дно, не спаси мы бельгийцев, ибо старший матрос Джиджино Маньифико вовеки не смог бы ее изобрести.

42. Маркон

18 октября 1940 года
16 часов 00 минут
85 миль до Санта-Марии

Маленькая раковина на кухне переполнена картофельными очистками. На столе три стопки грязных тарелок, вилки и стаканы. Эта жареная картошка пришлась всем по вкусу. Невероятно, что надо оказаться посреди океана, для того чтобы узнать о существовании такого простого и вкусного блюда. Бельгийцы явно приободрились. Джиджино на вдохновении взял мандолину своего отца, которую повсюду возит с собой, и затянул: «Stai luntano da stu core, a te volo c''o pensiero, niente voglio e niente spero che tu pienz» sulamente a me...»[57] И все итальянцы подхватили, включая Тодаро и меня: «Oi vita, oi vita mia, oi core e chistu core, sì stato «o primm'ammore, «o

[57] Примечания: 57
Вдали от меня твое сердце, Я в мыслях к нему лечу И большего не хочу, как надежды, Что только один в нем живу (*неап.*).

primm» e l'ultimo sarrai pe» meee...»[58]

Молодой бельгийский офицер, красивый как бог, сидит неподвижно в углу и не участвует во всеобщем веселье. С ним рядом присел матрос Стадерини, ласкает его колено.

22 часа 00 минут
45 миль до Санта-Марии

Тодаро предоставил на четыре часа свою койку Фогельсу, сам занялся своими обычными командирскими делами и наконец решил отдохнуть. На пороге своей каюты он мне сказал: «Прилягу ненадолго. Разбуди меня через полчаса». Я себя чувствую перед ним неловко и уже много часов ищу минуты, чтобы перед ним извиниться. «Сальваторе, послушай...», но он меня перебивает, гладит на щеке мои шрамы и говорит: «Так и быть. Через час...»

Он входит и закрывается изнутри.

Сейчас он один, его никто не видит, но я могу представить, что он делает, как если бы я его ви-

---

[58] Примечания: 58

О сердце, о мое сердце,
Тобою я околдован,
Ты был моей любовью
И ей останешься навек (*неап.*).
Одна из самых известных неаполитанских песен «O surdato «nnammurato» («Влюбленный солдат, 1938).

дел. Садится на койку, стягивает сапоги, снимает рубашку и оголяет свой металлический торс. Следы, которые корсет оставляет на теле, стали намного заметнее. Когда его никто не видит, он позволяет себе гримасу боли, но берет себя в руки и глубоко дышит. Взгляд скользит к изголовью постели, где стоит морфий, секунду он, кажется, раздумывает, не стоит ли применить и наконец избавиться от боли. Но отводит взгляд от пузырька, подтягивает ноги, скрещивает и поджимает их под себя и застывает в этой йоговской позе.

Потом закрывает глаза…

19 октября 1940 года
5 часов 45 минут
1,5 мили до Санта-Марии

За кормой «Каппеллини» забрезжила заря, на горизонте возникла розовая полоска, слева появился черный профиль острова с возвышенностями и зубчатыми гребнями. Это азорский остров Санта-Мария. Море утихло, а ветер нет, налетает порывами. Лодка мягко скользит по воде в сторону бухты, защищающей от ветра, названия ее не помню, я никогда не был на Азорах. Тодаро вывел бельгийцев на поверхность лодки, сам стоит с ними навытяжку, несмотря на ветер,

рядом с ним сигнальщик Барлетта.

С маяка поступают световые сигналы по азбуке Морзе, которые Барлетта расшифровывает: «Господин командир, он настаивает. Хочет знать нашу национальность и какие наши намерения».

Тодаро развеселился. «Смотритель маяка…» — говорит он.

«Да, господин командир».

Он свободно курит, мы все спустя много дней свободно курим, а не становимся факирами, как научил нас Муларджа.

«Ладно», — говорит Тодаро и устремляется к боевой рубке. Открывает люк и, склонившись, кричит вглубь лодки: «Ребята! Тут смотритель маяка во что бы то ни стало хочет знать, кто мы такие. Что скажете, покажем ему наш флаг?»

Из рубки доносится гром голосов: «Фла-а-а-аг!»

«Тогда поторопитесь и принимайтесь за дело», — снова кричит Тодаро вниз.

Так, вопреки неожиданностям и затруднениям, мы вышли из положения, и Тодаро снова нас спас.

В то время как с маяка продолжают поступать запросы на азбуке Морзе, из рубки выходят тени, пятеро — Леандри, Бастино, Негри, Чеккини и Ну-

чиферо. Несут с собою черный флаг и водружают его на флагштоке над рубкой. В светлеющем небе развевается черный пиратский флаг, который Тодаро раздобыл неизвестно где и взял с собою в плавание, распалив фантазию этих мальчишек. Это же пацаны, дети, не его, конечно, а вот моими могли бы быть. Из рубки продолжают появляться тени и собираются на корме. Слышится дружный крик: «Да здравствует Король! Да здравствуют флибустьеры!»

Тодаро продолжает улыбаться. Лодка заходит в бухту.

43. Реклерк

Выметенный ветром, утренний рассвет ясен и чист. В спасательных шлюпках по четыре человека в каждой моих товарищей высаживают на прибрежный песок. Обессиленные, раненые, ошеломленные, они наконец вздыхают полной грудью. Остаться в живых и попасть в такую красотищу — это дар, безумный, сражающий наповал. Они отплывают все дальше, смотрят в последний раз на подводную лодку, доставившую их сюда, а моряки, собравшиеся на командном пункте, смотрят на них. Кое-кто машет рукой, прощаются. Последними остаемся я и Фогельс с глазу на глаз с командиром. У Фогельса под конец возникла охота поговорить, и он просит меня перевести.

Его вопрос: «Кто вы?»

Командир-итальянец поглаживает свою бородку клинышком и отвечает: «Такой же моряк, как и вы».

Фогельс секунду молчит, а потом произносит по-фламандски фразу, которую я не берусь переводить и смотрю на него с недоумением, пока он

кивком не велит мне перевести, и тогда я говорю: «Мы перевозили английские самолеты».

Но командир-итальянец даже и бровью не ведет: «Я предполагал», — отвечает он. Теперь из двоих немногословен он, тогда как у Фогельса развязался язык.

«А вы знаете, что, будь я на вашем месте, я бы не взял вас на борт?» — спрашивает он.

Командир отвечает: «Это — война».

«Тогда почему вы это сделали?»

На губах человека, которому мы обязаны жизнью, появляется намек на улыбку — маленькая щербинка на его безупречно воинственной маске.

«Потому, что мы — итальянцы».

Фогельс жмет ему руку и продолжает: думаю, он за всю жизнь столько не говорил. «У меня четверо детей. Назовите мне свое имя, они будут о вас молиться, о человеке, спасшем их отцу жизнь».

Командир говорит: «Пусть молятся о дяде Сальваторе».

Они пристально всматриваются в глаза друг друга. Фраза, которую только что произнес итальянец, кажется, заставила их побрататься. Фогельс, похоже, станет первым моряком из Остенде, который сейчас расплачется. Но он берет

себя в руки, поворачивается и сходит в шлюпку.

Остаюсь я один. Я тоже должен что-нибудь сказать.

«Командир, — начинаю я, — у меня нет детей, но…»

«Тогда заведи, — перебивает он меня. — И как можно больше».

«…Не знаю, как вас отблагодарить», — говорю я себе под нос. Не так заканчивалась фраза, с которой я начал, но ничего другого в голову не идет. Обычные слова учтивости, не больше, но дядя Сальватор неожиданно придает им смысл.

«Способ отблагодарить может представиться».

«Неужели?»

«Вы говорили, что являетесь специалистом в античности, верно?»

«Да».

И вот он еще раз меня удивляет: вытаскивает из кармана мундира бумажник, вынимает сложенный листок бумаги и протягивает мне.

«Что здесь написано?» — спрашивает он.

Это фраза на древнегреческом, написанная неуверенным почерком. Я прочитываю, но переводить не тороплюсь в поисках смысла. «Вы знаете, откуда процитирован этот текст?»

«Не имею ни малейшего представления», — от-

вечает он.

«Это может быть из “Илиады”, — говорю я, думая про себя, но он снова спрашивает, что там написано. «Ничего», — отвечаю я, и на сей раз удивляется он: «Как ничего?»

«Это — генеалогия, — объясняю я, таких навалом в “Илиаде”. Я смотрю на человека, спасшего мне жизнь, думаю, что общего у него с этим текстом, и перевожу: «Сизиф, сын Эола, был родителем Главка, который в свой черед произвел прекрасного и совершенного из мужчин — Беллерофонта».

«И это все?»

«И это все».

Отдаю ему жеваный листок, он кладет его в карман на место, на этот раз щербина шире, она озаряет лицо отсутствующего человека, блуждающего в прошлом. «Спасибо», — говорит он и пожимает мне руку. Но пожатия мало, я обнимаю его и упираюсь грудью в стальные прутья корсета, хранящие как в заточенье тепло его тела; а так как я не военный, а всего лишь учитель греческого и латыни, переживший эпические перипетии, и родом вовсе не из Остенде, когда он прижимает меня к себе и стискивает в объятьях, я плачу. Спускаюсь в шлюпку, где Фогельс и двое

итальянских моряков ждут меня для последнего переезда.

Мы удаляемся от подводной лодки, а он все стоит и смотрит. Касаемся земли, а он все стоит и смотрит. Смыкаемся с товарищами — он все стоит и смотрит.

Даже если война его проглотит, он не умрет никогда.

44. Маркон

19 октября 1940 года
8 часов 15 минут
Санта-Мария

Бухта называется Вила-ду-Порту, она несравненной красоты, сверкает под лучами осеннего солнца. Потерпевшие кораблекрушение все перевезены, ребята складывают спасательные шлюпки. Все в сборе, не хватает пока Джиджино и Несчастного Бечьенцо, отправившихся затовариться на местном рынке. «Берите как можно больше картошки», — попросили мы все.

С центрального пункта Тодаро обводит взглядом зеленый остров, кажется, он доволен или, может быть, даже счастлив, насколько можно быть счастливыми на войне.

45. Тодаро

Молодой бельгийский офицер процитировал мне наизусть рассуждение Вольтера о счастье: люди ищут счастья, как пьяница свой дом, где-то он находится, но как его найти?

Я этого пристрастия философов к идее счастья не разделяю. В сущности, что это такое? Очевидно, что оно не может быть целью, в лучшем случае, наградой. За тяжелую работу.

Но если как следует вдуматься, Рина, мне, в сущности, до фонаря.

Пишу для тебя песню, грустную. Я уверен, что в будущем многие согласятся, что лучшие из песен всегда самые грустные. Хочешь услышать первые строчки? Хотя нет, я лучше тебе спою, когда вернусь домой, сейчас нам пора погружаться. Мой грек кивает из какой-то части времени и пространства.

Я снова готов поражать на своем пути противника и быть неумолимым, спасая их жизни.

Так всегда было в море, и так будет всегда.

А кто так не поступит, тот будет навеки проклят.

Эпилог

Через месяц после того, как был затоплен «Кабало», Бельгия отказалась от нейтралитета и вступила в войну на стороне Англии.

Сальваторе Тодаро погибнет два года спустя, 14 декабря 1942 года. Английский истребитель «Спитфайр» прошил его пулеметной очередью в заливе Галит, в Тунисе, когда он возвращался после ночного задания на борту вооруженного рыболовного судна «Чéфало». Он умер во сне, как и предсказал.

Весь экипаж «Кабало» переживет войну.

В мирное время Фогельс, Реклерк с товарищами приедут в Ливорно, чтобы встретиться с женой Тодаро Риной и дочерью Грациеллой-Мариной, которую командир никогда не видел.

В знак благодарности они установят мемориальную доску на могиле своего Сальватора[59].

Из ста сорока пяти подводных лодок Итальянского Королевского флота, участвовавших во Второй мировой войне, уцелеют всего тридцать

---

[59] Примечания: 59
Имя Сальватор значит «спаситель».

шесть.

Все остальные лежат в пучине морской, каждая — с погребальным коралловым крестом.

Приложение
Перечень морских божеств

Африканская мифология

Мами Вата (Мать Вода)

Лоа, собирающий души моряков Африки и африканской диаспоры.

Агве

Лоа в религии вуду, божественный дух моря и воды.

АЙНЫ

Репун Ка

Морской камуй в виде акулы.

Армянская мифология

Цовинар
Богиня моря и грозы.

Ассирийско-Вавилонская мифология

Эа
Повелитель вод, на которых покоится земля.

Тиамат
Повелительница первобытного хаоса и соленых вод, из которого родились все боги.

Сирсир
Сын Тиамат, покровитель моряков.

Ацтекская мифология

Уиштосиуатль
Богиня соленых вод.

Чальчиутликуэ
Богиня пресной воды, рек, озер, морей и повелительница гроз.

Ханаанейская мифология

Ям

Бог моря и первородного хаоса.

Ашера

Праматерь богов, прародительница богов — покровителей мудрости и морей.

Финикийская мифология

Галеос
Рогатый тритон, покровитель рыболовов.

Патечи
Божества-покровители мореплавателей.

Китайская цивилизация

Лу-Ван
Повелитель вод.

Мацзу
Богиня воды и покровительница моряков.

Ао Жун
Бог-дракон, владыка западного моря.

Оа Гуан
Бог-дракон, владыка восточного моря.

Оа Цинь
Бог-дракон, владыка южного моря.

Оа Шунь
Бог-дракон, владыка северного моря.

Хай Ри
Бог моря.

Хан Шинь
Бог моря, покровитель рыболовов.

Там Кунг
Морское божество.

Шуйсянь Цзунван
Благородные бессмертные жители моря.

Гун-гун
Страшный и ужасный бог вод, давший свое имя одной карликовой планете Солнечной системы, чья Луна была названа именем *Сянлю*, его чудовищного слуги с телом змея с девятью головами.

Кельтская мифология

Лир
Ирландский бог морей.

Лир
Галльский бог морей.

Мананнан Мак Лир
Ирландское морское божество.

Ноденс
Бог здоровья, охоты и охотничьих собак, морской бог.

Христианская цивилизация

Пресвятая Мария
Стелла Марис, родившая Христа, покровительница всех плывущих в море.

Апостол Петр
Покровитель рыбаков и римских пап.

Апостол Андрей
Покровитель моряков, рыбаков и эстрадных певцов.

Святой Антоний Падуанский
Священник и учитель церкви, покровитель моряков, рыбаков, голодных, детей, лошадей, беременных женщин, обрученных, семейных, коренных американцев, потерянных вещей, угнетенных, бедных и путешественников.

Святой Николай Барийский
Чудотворец, епископ, защитник моряков, детей и всех, кто находится в трудном положении.

Санта Барбара
Мученица, покровительница моряков, архитекторов, звонарей, коммунальных инженеров,

шахтеров, строительных рабочих, производителей зонтиков и пожарных.

Святой Франциск из Паолы

Отшельник, основатель ордена минимов, небесный покровитель итальянских моряков, которого призывают при пожарах, эпидемиях и бесплодии.

Святой Франциск Ксаверий

Священник, защитник моряков и миссионеров.

Святая Мария де Сервельо

Девственница, защитница моряков, испытывающих трудности и потерпевших кораблекрушение.

Святая Адельгейда Бургундская

Дважды королева-супруга Италии, защитница лодочников, шлюпочников и всех перевозчиков.

Святая Франциска Ксаверия Кабрини

Миссионерка, покровительница эмигрантов, пересекающих океан.

Святой Эразм Антиохийский, он же Эразм Формийский

Епископ и мученик, к нему взывают во время

шторма.

Святая Евлалия Барселонская
Тринадцатилетняя мученица за веру, защитница моряков и помощница при засухе.

Блаженный Педро Гонсалес
Доминиканец, покровитель моряков и рыбаков.

Святой Фока Синопский
Священномученик, покровитель моряков, садоводов и огородников.

Святой Адальберт Пражский
Епископ и мученик, покровитель моряков.

Святая Амальберга Мобёжская
Вдова и монахиня, покровительница моряков и земледельцев, защищает от града, контузий и вывихов.

Святой Катберт Линдисфарнский
Епископ, покровитель моряков.

Святой Брендан Клонфертский
Аббат, покровитель моряков, путешественников и девиц на выданье.

Эллинистическая мифология

Посейдон
Верховный повелитель вод и богов морей, рек, гроз, наводнений и засухи, землетрясений и лошадей.

Амфитрита
Жена Посейдона, богиня спокойного моря.

Кимополея
Дочь Посейдона и жена Бриарея, богиня неистовых морских штормов.

Тритон
Божество с рыбьим хвостом, сын и глашатай Посейдона.

Протей
Старый бог моря, способный принимать любые обличья, смотритель за тюленями и другими морскими животными Посейдона.

Понт
Первородный бог моря, прародитель рыб и прочих морских существ.

Таласса

Первородная богиня моря.

Бризо
Покровительница сна моряков.

Кето
Богиня опасностей и мать морских чудовищ.

Дорида
Богиня морского изобилия.

Эврибия
Богиня господства на море.

Галена
Богиня спокойного моря.

Псамафа
Богиня песчаных пляжей.

Левкотея
Богиня, приходящая на помощь терпящим бедствие морякам.

Форкий
Бог скрытых опасностей на морских глубинах.

Тавмант
Бог морских чудес, отец гарпий и Ириды, богини радуги.

Идофея
Морская нимфа, дочь Протея.

Главк Морской
Мифический рыбак, ставший морским богом.

Нерей
Бог спокойного моря, изображается в виде мускулистого старца.

Палемон
Морской бог, помощник моряков во время шторма.

Дельфин
Надежный посланник Посейдона.

Финская мифология

Ахти
Бог морских глубин.

Велламо
Жена Ахти, богиня грозы.

Мифология народов фиджи

Дауцина
Богиня мореплавания.

Дакувака
Бог-акула, покровитель рыбаков.

Филиппинская мифология

Магвайен
Богиня моря и смерти.

Японская цивилизация

Мицуши
Легендарный морской дракон.

Гавайская мифология

Намака
Богиня моря.

Каналоа
Бог моря и загробного мира, изображается в виде огромного осьминога.

Камохоали
Бог-акула.

Укупанипо
Гигантский бог-акула, бдящий за местами рыбалки.

Индуистская мифология

Самудра
Богиня морей.

Варуна
Бог мировых вод, хранитель порядка во Вселенной.

Эскимосская мифология

Аипалувик
Морской бог смерти и разрушений.

Арнапкапфаалук
Морская богиня.

Идлирагийенгет
Дух океана.

Седна
Морская богиня, покровительница морских животных.

Хеттская мифология

Иллуянка
Великий океанский дракон.

Мифология маори

Тангароа
Бог морей и покровитель рыболовства.

Литовская мифология

Гердаитис
Дух-проводник кораблей, помощник моряков.

Лузитанская мифология

Дубердикус
Бог морей и рек.

Скандинавская мифология

Ран

Богиня морей, собирающая в свои сети утопленников.

Ньёрд

Бог моря, ветра, рыболовства и мореплавания.

Славянский фольклор

Морской царь.

Чернава
Русалка, дочь Морского царя

Шумерская мифология

Намму
Богиня первородного моря.

Вьетнамская цивилизация

Ка Онг
Бог-кит, покровитель моряков.

Этот роман основан на реальных событиях. Некоторые имена изменены, а некоторые персонажи и эпизоды позаимствованы из того времени исключительно с целью драматизации повествования.